

Алена
МОСКОВСКАЯ

После развода
**ВЕРНИ СВОЮ
СЕМЬЮ**

Алена Московская

После развода.

Верни свою семью

<https://litres.ru/74320358>

Аннотация

♥#МОЯ НОВИНКА "ИЗМЕНА. ВЕСТНИЦА РАЗЛУКИ":

– Я так не могу. Я не могу простить тебя. – стою с чемоданом в руке и смотрю на мужа. – Все бабы измены прощают, а ты такая вся нежная нашлась? – рычит он и выхватывает у меня сумку. – Не дури, Надя, будь мудрее. Без нормальной работы и с ребенком, куда ты пойдешь? – Туда где нет тебя и твоего предательства.

Четыре года назад он мне изменил. Я пыталась простить, пыталась смириться, не смогла. Ушла, развелась, поменяла работу, даже собаку завела. Строила новую жизнь, пока в один прекрасный день он не появился на нашем пороге. В преддверии Нового года решил поверить в чудо и вернуть семью? Удачи, предатель.

♥#ХЭ ♥#

В книге вас ждут: ♥#Муж военный ♥#Нежная героиня
♥#Озорной игривый пес НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБАВЛЯТЬ В
БИБЛИОТЕКУ И СТАВИТЬ ЛАЙКИ!

Книга выходит в рамках литмоба "Раненое сердце":

Содержание

Глава 1 Ломать не строить	4
Глава 2 Не верю	11
Знакомство с героями	17
Глава 3 Лекарство для сердца	19
Глава 4 Лестница	24
Глава 5 Верю, не верю	29
Глава 6 Стереть	34
Глава 7 Прошлое не спилить	42
Глава 8 Замолчи	49
Глава 9 Ткнуть носом	56
Глава 10 Главная ценность	61
Глава 11 Камень в гору	65
Глава 12 Меня ждут	69
Глава 13 Вымоли любовь	75
Глава 14 Это откуда?	81
Глава 15 Разгадай	90
Глава 16 Оцепеневшая	100
Глава 17 Право имеешь?	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Глава 1 Ломать не строить

Надежда

Он ушел в тот день, когда я впервые не заплакала.

Просто стояла у окна, держа в руках чашку, и не понимала, что теперь со всем этим делать.

С коробками и чемоданами, с новым годом на носу, и с восемью годами брака, которые ушли коту под хвост.

На кухне пахло кофе, хотя он его уже не пил. Говорил, мол горчит. А мне теперь горчило всё.

Я тогда еще не знала, что боль может быть такая мерзкая, и что она вернется с новой силой.

Я пыталась отмыть её слезами, потом уговорами, разговорами, криками, молчанием.

Ничего не помогло.

Хотя началось все в один прекрасный вечер. Просто отдых с друзьями. Просто зашли в стриптиз бар. Просто измена. Все просто.

Тогда

— Мам, а папа скоро придет? — доченька зевает, прячет холодный нос под одеяло, — Он обещал почитать.

— Скоро, — вру я с улыбкой, — Но сказку уже завтра. Папе отдыхать нужно, таким как ты девочкам уже пора спать.

— Я не маленькая.

— Взрослые тоже ложатся по расписанию, — улыбаюсь я

и глажу ее по голове.

Возражает уже точно как взрослая.

— Тогда ты мне почитай.

Тянусь к полке, достаю книжку, сажусь на край кровати, начинаю читать. Голос дрожит — от усталости, наверное.

Вера слушает, глаза закрываются, пальцы всё ещё держат любимого плюшевого зайца.

— Всё, спи, моя девочка, — шепчу еле слышно и целую её в лобик.

Стою, смотрю. Такая крошка. Моя.

Папа ей обещал, а я опять вместо него. Ну да ладно. Привыкли. Служба есть служба и отдых тоже полагается.

Тихо прикрываю дверь. В квартире — тишина, только часы тикают. Тик-так. Тик-так.

Час ночи уже.

Он сказал, что ненадолго.

Верю.

Всегда верю, но с мужчинами разговор такой.

Там где рюмочка, там и вторая.

Там где вторая, там и бутылка.

Ох... Ладно. Что говорить?

Сажусь на кухне, наливаю чай.

Телевизор бубнит новости, что в мире творится.

А я опускаю голову на стол.

Глаза слипаются, уснула бы уже давно, день был тяжёлый, руки гудят после клиентов.

Хочется лечь, но сразу же усну.

Нет.

Дождусь все-таки.

Внутри будто кошки царапают.

Не тревога даже, просто чувство... странное.

Сердце будто знает что-то, чего я не хочу знать.

«Да ладно, Надь, успокойся.

Выпил, вернётся.

Первый раз чтоли?»

Глотаю чай. Горячо.

Смотрю в окно, там снег, фонарь, пустая улица.

Может, ванну набрать? Пена, свечка... хоть немного тишины и взбодрюсь хоть слегка.

И тут — щёлк.

Дверь.

Громко.

Я аж подпрыгнула на стуле.

Бегу в коридор.

Он стоит. Мой Володя.

Шатает его. Глаза как два прожектора. На лице ухмылка.

— Здравова, жена, — скалится он, опускаясь к ботинку.

И всё.

Как будто кто-то по голове ударил.

Что? Что это за «здравова, жена»? Он когда так вообще говорил? Неужели смеется?

Дурак блин, какая пчела его укусила?

Стою, не знаю, злиться или смеяться. Пахнет... не только алкоголем. Что-то чужое. Сладкое. Я вдыхаю и внутри всё сжимается.

Хотелось сказать: «Вера спит».

Хотелось обнять, сказать какой же он дуралей, завтра ведь болеть будет.

А вышло, что просто молчу. Встала как вкопанная и стону посреди коридора.

Он стоит, шатается, улыбается. Снег с ботинок мимо коврика раскидал.

А у меня внутри опять эти кошки.

— Давай, иди уже, — произношу тихо, чтоб Веру не разбудить.

Он цепляется пальцами за стену, спотыкается.

— Ща... подожди... — бормочет, улыбаясь.

Я подхожу, беру под руку. Пахнет табаком и перегаром. Дуралей точно.

Потащила этого бугая в спальню.

— Осторожно.

Он роняет куртку прямо у кровати, смеётся.

— Да ладно тебе, Надь... не злись... не злись, мы так посидели...

Не злюсь. Не злюсь, ничего плохого он не сделал, просто напился. Бывает.

Я мотаю головой и помогаю лечь.

Он плюхается на кровать, тяжело дышит. Снимаю с него

свитер.

Падаю взглядом на рубашку, та белая, чистая.

Вернее, была.

На воротнике что-то блестит.

Розовое.

Как блеск для губ.

Я замираю.

Смотрю ближе.

Нет, не показалось.

Розовые следы.

На белом.

Я будто внутри сжимаюсь в кулак. Сердце дергается, как от тока.

Не верю.

Не хочу верить.

— Володя, — шепчу я, хватаясь за воротник.

Он мычит что-то нечленораздельное, глаза уже закрыты.

Даже не слышит меня. Я дергаю край рубашки. Пятно размазывается по ткани. Блеск остаётся на моих пальцах.

Боль.

Как будто нож под ребра. Не в сердце даже — глубже. Всё тело будто обвисло, руки ледяные.

Он с кем-то целовался.

Да? Он?

Мой муж, отец моей дочки.

Мой Володя, который «не из таких».

Который всегда говорил, что ему только семья нужна.

Вот он... муж... лежит, пьяный, с чужой губной помадой на воротнике.

Меня трясёт. В груди шум, в ушах звон. Дышать тяжело.

Я отхожу на шаг.

Смотрю на него, а он храпит. Всё просто. Спит.

Гоню плохие мысли, может этому есть разумное объяснение, а я уже надумала?

Замечаю что-то в кармане. Бугор какой-то. Может телефон? Лезу рукой. Ткань под пальцами скользкая.

Достаю.

Смотрю.

Белые.

Женские стринги.

На секунду даже не понимаю. Швыряю их на пол. Мозг просто выключается. Стою. Держу их в руке. Не знаю, сколько так стою.

Минуту? Десять?

Тишина, только его храп.

Потом приходит понимание.

И вместе с ним боль.

Я не могу дышать. Рот открывается, но воздуха нет. Всё внутри сжимается, будто сердце решило остановиться.

Чужие трусы.

Чужие руки и губы, которые трогали моего мужа.

– Ты мне изменил? – спрашиваю у этого тела, которое ме-

ня даже не слышит.

Глава 2 Не верю

Надежда

Я не сплю всю ночь.

Смотрю в потолок, слушаю, как он храпит. Хожу проверяю как там Вера. Доченька все так же беззаботно сопит и обнимает любимого зайца.

Прохожу снова к дверям спальни. Смотрю на него, распластался звездой, не стыдно ему. Спит предатель.

Не верю.

Неужели правда?

Нет, такого не может быть. Не с нами. Не с ним. Он ведь верный... думала я, совсем наивная.

Хожу по квартире босиком, будто привидение.

Глаза болят, режет — от недосыпа или от слёз, уже не понять.

Всё вокруг напоминает о нём. Его чашка на столешнице, рубашка на спинке стула, даже запах его бритвенного лосьона в ванной.

Как будто дом сам пытается убедить меня, что ничего не случилось.

А я знаю — случилось. Сердцем чувствую - плохо наше дело.

Снова заглядываю в спальню. Он теперь лежит лицом в подушку.

Так спокойно, будто ему вообще ничего не снится.

Неужели человек способен спать вот так — с чужими трусами в кармане просто взять и уснуть при живой любящей жене?

Я стою у двери и смотрю.

Свет из окна от фонаря падает ему на щеку, и я вижу того же мужчину, которого любила.

Руки, плечи, эти родные черты.

А внутри всё выворачивает.

— Скотина, — шепчу злобно. — Какая же ты скотина, Володя.

За что? Зачем?

Как можно было так глупо?

Даже не спрятал, не подумал.

Ты ведь знал, что придешь домой, где спит твоя дочь, где жена готовила ужин и ждала тебя обалдуя пьяного.

Ты ведь всегда всё продумываешь, Володя. До мелочей.

А тут — настолько...

Абсурд. Смешно, если бы не было так больно.

Прохожу мимо его куртки — в ней всё ещё этот запах.

Алкоголь, табак и чужие духи. Задерживаю дыхание, чтоб не чувствовать, но от этого только хуже. Запах врезался в память.

Часы показывают без двадцати шесть. Через час поднимать Веру в садик.

Собери рюкзак, надень шапку, поцелуй папу, пока он

спит.

Нет. Пусть лучше не видит его, тем более в таком состоянии.

Иду в ванную.

Хочу просто смыть всё это.

Открываю кран — вода льется.

Пусть течет. Может, унесет всё мои плохие мысли подальше.

Пар медленно поднимается.

Я смотрю вперед. Все плывет, от усталости уже голова кружится.

Как будто я где-то за стеклом, в чужом сне, в котором застряла.

Хочется моргнуть и проснуться.

Чтобы Володя тихо вошёл, обнял, накрыл меня пледом.

Чтобы сказал: «Ты чего не спишь? Поздно уже.»

И всё. И никакого белья, никакой лжи, никакой этой пустоты в груди.

Но нет.

Я моргаю — и ничего не меняется. Вода шумит. Слезы обжигают щеки.

Я сажусь на край ванны и не чувствую, как остываю.

В голове — пустые вопросы.

Как теперь жить? Как смотреть ему в глаза? Что дочке говорить, если это правда?

Я даже не знаю, где больше боли — от предательства или

от того, что всё ещё люблю его...

Вода почти переливается через край. Смотрю на неё, на своё отражение. Глаза опухшие совсем.

Выгляжу как жертва, но на деле. Позволю ли я себе этой жертвой быть?

После ванны мне стало чуть легче. Обернулась в полотенце, шагаю к зеркалу — наношу крем. И вдруг — шаги за дверью.

Я вздрагиваю. Боже...

Сердце бешено стучит в груди. Очень неожиданно.

Открываю дверь — он плетётся по коридору уже в одних трусах, волосы растрепаны, взгляд мутный.

— Водички бы, Надь... — бормочет предатель, — И таблеток от похмелья.

Я стою, не двигаюсь.

— Таблеток от похмелья? — переспрашиваю я и сама не узнаю свой голос. — Может, пояс верности?

Он моргает, будто не понимает.

— Чего?.. — язык заплетается. — Это тут причем?

А я поправляя полотенце не могу не спросить:

— Чьи трусы я нашла у тебя в кармане?

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в свою горячую новинку «Развод по рецепту».

Уверена, эта история найдет отклик в вашем сердце.

Буду очень благодарна за вашу поддержку: добавляйте

книгу в библиотеку, ставьте лайки и делитесь впечатлениями в комментариях.

Для меня это правда очень важно!♥️#

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/UqZ->

- Жора! - ахнула я, войдя в кабинет в тот момент, когда муж старательно пыхтел над нашей новой медсестрой на рабочем столе.

- Дверь закрой с той стороны. - недовольно гаркнул он, даже не отрываясь от ее тела.

- Да как...же ты посмел?! - сквозь анабиоз выдавила я.

- Так же. - лишь передернул муж.- И раз уж зашла, хотел сказать, что с завтрашнего дня ты уволена. Настя займет твое место. Свободна.

Завтра наступило, лишив меня всего. Работы. Стабильности. Любви. Надежды. Веры в то, что у нас все не так, как у всех. Что мы раз и навсегда.

15 лет я была его правой рукой, которую он без сожалений отрезал одним махом, найдя для себя новую и более «технологичную» замену.

- Я подаю на развод! - с разорванным сердцем, но твердым намерением, озвучила я.

- Обойдешься. С поста жены тебя увольнять я не собираюсь. Пока что...

Знакомство с героями

Дорогие читатели, время познакомиться с нашими героями!

Надежда— 32 года, мастер маникюра. Работает по найму, день расписан по минутам.

Не плачет при людях, только ночью. Часто прикусывает губу, когда нервничает.

Любит дочку и до сих пор — мужа, хоть и ненавидит за предательство.

Внутри — смесь обиды, нежности и выжженной веры в свое женское счастье.

Владимир — 36 лет, военный, спецназ.

Выпрямленная спина, голос, к которому привыкли подчиняться. Снаружи — сила и уверенность, внутри — усталость и потерянности.

Бойтся слабости, потому врёт и прячется иногда за алкоголь.

Любит семью по-своему, но осознает это слишком поздно.

Вера— сейчас уже 8 лет. Любит, когда мама поёт. Когда грустит, тербит ухо зайца и шепчет ему секреты. Есть несколько подружек в школе, приводит их в гости.

Бакс- озорной игривый пес самой лучшей хозяйки.

С остальными героями мы познакомимся чуть позже.

А пока спешу напомнить - Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и ставить лайки(звезды)!

Ваша поддержка ценна для автора!

Глава 3 Лекарство для сердца

Надежда

— Ты че несешь? — морщит брови мой муж и выдерживает паузу. — Надь, дай таблетку, а то я уже бред слышу.

В горле застревает обида. Таблетку?

Мне бы таблетку, которая боль заглушит, что ты причинил.

Смотрю на него и будто вижу не мужа, а чужого человека.

Иду на кухню. Ноги ватные. На кухне свет тусклый, чайник остыл, кружки на том же месте.

Достаю таблетки — двенадцать штук. Одна на десять килограмм веса — пишет на коробке мелкий шрифт.

Наливаю воды.

Глотаю свою злость, стискиваю зубы.

Он что, правда не помнит? Он что — спал с ней, а теперь вернулся домой и забыл? Подонок.

В спальне он лежит, распластался как поверженный зверь.

За голову держится двумя руками, думает, что ему от этого легче? На лице — смесь усталости и удовлетворения.

Ой, Володя, Володя. Как ты мог, а?

— На, — ставлю перед ним стакан с водой и таблетки на блюдечке. — Пей.

Он смотрит на меня снизу вверх.

Глаза мутные, реагирует медленно.

Берет таблетку, выпивает.

Пьянь подколотная— думаю я и становлюсь еще злее.

Боже мой.

Сажусь на край кровати. Руки холодные, но стараюсь держать себя в руках.

Хочу кричать. Хочу ударить его по плечу со всей силы. Но сдерживаюсь, я не такая. Да и мой кулак по сравнению с его рукой совсем мал...Он едва почувствует.

Володя осушает стакан. После подает его мне с кивком и смазливym движением благодарности, который я раньше принимала за нежность.

Теперь этот кивок — как залог: «мне все можно. Ты все стерпишь».

Поднимаю с пола кусок белого шелка — тот самый, который я вытащила из его кармана.

Бросаю в него. Прямо к лицу.

— На, — выдавливаю я.— занюхай.

Он лениво отмахивается, как от назойливого комара.

— Надь, ты че? — тянет он, голос протяжный, сквозь сон.

— Мне сейчас не до секса.

Я ухмыляюсь. Вот это поворот!

— Это не мои трусы, — обрываю его, — Ты хоть помнишь почему они у тебя в кармане лежат?

Он моргает, притворяется удивленным. Делает вид, что не

понимает, будто я шутки шучу.

Злость во мне только нарастает. Я не сдерживаю.

Хочу вцепиться в него когтями, показать, что он не может так со мной. С кем угодно, но не со своей женой и матерью его ребенка.

Но я ничего не делаю, только смотрю. Смотрю в эти его глаза — бесстыжие, пустые, растерявшие совесть.

— Ты что такое говоришь? — бормочет он, морщит лоб, делает глупое лицо потерянного.

Я не верю. Не хочу верить.

Но правда лежит в полуметре от нас обоих — белый шелк.

— Трезвей, — чеканю я. — Приходи в себя. Я отвезу Веру в садик и вернусь. Поговорим. Надеюсь, ты вспомнишь, с какой шалавы ты их снял.

Слова срываются, я не стесняюсь в выражениях.

Обычно я так не выражаюсь. Что-то щелкает во мне, и я включаюсь — не узнаю саму себя.

Он поднимается с кровати, пытается схватить мою руку:

— Наааадь, стой! Надаяая! — протягивает заплетающимся языком.

Я оборачиваюсь. Показываю ему пальцем у рта — Тише.

— Твоя дочь ещё спит, — поправляя ночнушку. — И ты проспись, пьянь.

Однако он неожиданно выдает.

— Я не знаю, откуда они. Я не беру чужое. Зачем мне это надо, Надь? Сама подумай.

Я не могу сдержатъ истерический смех уставшей женщины, которая не спала всю ночь.

— Не знаешь? — повторяю я. — Ты дурак? Или думаешь, я поверю, что тебе их подкинули?

Он морщит лицо, делает вид, теперь хочет переложить вину на меня.

— Надь, может, ты что-то не так поняла, — лепечет муж. — Может, это... не знаю, глупая ошибка.

— Глупая ошибка – твоя измена. Глупая ошибка - это, что я могла поверить, что ты не такой как все и можешь быть мне верен.

*Дорогие читатели, приглашаю в свою новинку
"Вынужденно (не) в разводе"*

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/nbxU>

— Ты изменил мне с моей же подругой... — я смотрю на мужа, пытаюсь разглядеть в нем хоть частичку вины.

— Давай без драм, Оль. И не делай вид, что ты этому удивлена.

Я выходила замуж вынужденно, по указу родителей, но в этом браке впервые по-настоящему влюбилась. Думала, мы стали семьей и будем счастливы.

Но не тут-то было.

Моя лучшая подруга не упустила шанса охомутать такого влиятельного мужчину. А он, судя по всему, был и не прочь.

Теперь же мне нужно сделать все, чтобы Нодар дал мне развод, пока не узнал, что я беременна.

— Но я...

— Мыльную оперу оставь для себя. А у меня есть дела поважнее.

Глава 4 Лестница

Надежда

Мы выходим из дома.

Я иду на автомате — куртка, шапка, ключи, Верины варежки в кармане. Всё само собой. Не помню, как собрали рюкзак, как заплела ей косичку. Кажется, всё сделала правильно, но в голове туман.

Может, от бессонницы. А может — от того, что мой муж предатель.

Вера зевает, идёт рядом, тянет за руку вниз — шаг у неё короткий.

— Мам, я хочу домой. Можно сегодня не в садик? — просит жалобно, протирая кулачком глаза.

Я смотрю на неё — щеки розовые, нос уже красный.

И вдруг сердце рвётся на две части: одна хочет обнять и не отпускать, другая тянет вперёд, туда, где работа, клиенты и нормальность, которую я пытаюсь себе вернуть.

— Доченька, надо, — я дую губы. — Мамочке сегодня на работу, а после обеда ты вернёшься, хорошо?

Она не отвечает, просто кивает, глядя себе под ноги.

Мы идём вдоль дороги. Я держу её крепко за руку, перехожу дорогу и думаю: а что я вообще делаю?

Что будет дальше?

Как мне объяснить ребёнку, что папа нас предал?

Стоит ли вообще объяснять?

Наверное, нет.

Она слишком мала. Ей нужно верить, что папа — хороший, что просто заболел, что скоро поправится и снова будет смеяться с ней, качать на руках и читать сказки.

А я... я уже не знаю, кем мне теперь быть. Женой? Матерью? Разбитой женщиной, которая старается не расплакаться при ребёнке?

Вера шмыгает носом, и я пригибаюсь, поправляю шарф.

— Папа болеет, — говорю тихо. — Слегка. Пока что не сможет сегодня с тобой посидеть. Но завтра если в садик не захочешь мы не пойдем, хорошо?

Она поднимает на меня глаза.

— Папа болеет?

Мурашки бегут по коже. От того, как она это сказала.

Я киваю.

— Болеет, болеет, — шепчу. — Но выздоровеет завтра уже.

Она верит.

И я чувствую, как что-то внутри ломается ещё раз.

Потому что я вру. Я не знаю, что будет завтра.

Не знаю, проснусь ли рядом с ним, или увижу пустое место.

Не знаю, смогу ли простить, или стану жить, будто ничего не случилось. Не знаю даже, кто я теперь. Тепила? Нет...

Мы подходим к саду. Вера не хочет отпускать мою руку.

— Мам, а ты потом придёшь?

— Конечно.

В этом я уверена точно.

Она идёт к дверям, поворачивается, машет.

Я улыбаюсь, машу в ответ. А потом просто стою, пока она не исчезает за дверью.

Ветер бьёт в лицо, глаза щиплет.

Всё будто замедлилось. Машины, люди, время.

Я стою так пару минут, смотрю на горящие окна садика.

Потом выхожу за ворота, иду вдоль улицы, холодный воздух будто выдувает из головы мысли.

Всё плывёт. Всё в тумане. Возможно, от усталости.

Возможно, от того, что я до сих пор не могу принять очевидное: мой муж изменил мне. Или... нет?

Не могу.

Не хочу верить. Это какой-то абсурд.

Может, кто-то пошутил, подбросил... бред. Но карман-то его.

Захожу в магазин. Беру корзинку. Автоматически кладу туда минералку — две бутылки. Может, протрезвеет. Может, хоть что-то объяснит внятно.

Если он сейчас не скажет мне по-человечески, где был, кто она и почему у меня в руках оказался её тряпка — я не знаю, что сделаю.

Полки размываются перед глазами, руки дрожат.

Беру аспирин в аптеке рядом, какие-то мелочи.

В голове крутится только одно: он не мог. Не мог. Не такой.

Это бред. Мы же семья. Восемь лет вместе. Ребёнок.

Дом, привычки, традиции, иногда и страсть.

Как это всё можно выбросить ради пары минут где-то в ночном клубе?

Выдыхаю. Расплачиваюсь, забираю пакет.

Выходя на улицу, достаю телефон. Пишу администратору:

«Можешь, пожалуйста, перенести сегодняшние записи?»

Приболела, не хочу никого заражать.»

Палец дрожит, нажимаю «отправить».

Ответа нет. И не нужен. Я уже знаю — работать сегодня не смогу.

Шагаю к дому. Пакет лёгкий, а душа тяжеленная.

В груди жгёт.

Если он не объяснит... если он соврёт...

Я даже не знаю, что хуже — правда или ложь.

ЧТО? Скажите мне, что?

Поднимаюсь по лестнице.

Каждая ближе к нему и к моменту, которого боюсь.

Ключи дребезжат в руках, чуть не роняю.

Вставляю в замок, поворачиваю.

Щелчок.

Дверь открывается.

Тишина.

Никаких шагов, никаких звуков.

Закрываю за собой, ставлю пакет у порога. Снимаю куртку.

Сердце колотится.

Прислушиваюсь.

Ни дыхания, ни храпа.

Может, спит. Может, уже ушёл к этой своей про....

Не знаю, что страшнее — увидеть его или не увидеть вообще.

Делаю шаг вглубь квартиры.

Где-то щёлкнуло — может, батарея, может, судьба.

Стою и думаю:

Ну что, Надя. Давай.

Давай узнаем, как заканчивается любовь всей твоей жизни.

Дорогие читатели, приглашаю вас в книгу нашего лимтоба от Тани Поляк

После развода. Без тебя счастье есть

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/emwF>

Глава 5 Верю, не верю

Надежда

Я вхожу в спальню и замираю у порога.

Он сидит на краю кровати в трусах и майке, в руке — банка пива.

— Садись. Садись, Надь.

Я медленно опускаюсь на кресло напротив.

Злая. Уставшая. Слова застряли в горле, как кость.

Хочется кричать, рвать, бить — не его лицо, а эту тишину, этот дом, где всё поплыло и перестало быть домом.

Он смотрит на меня, будто я — сплошной десяток вопросов, на которые он не собирается отвечать.

Взгляд жалкий, самодовольный, как у человека, рассчитывающего на снисхождение.

— Я не изменял, — выдыхает он, торопливо, чтобы успеть первым. — Не смог бы. Люблю тебя. Ты ревнуешь, потому что...

«Ревность», — это слово ударяет, но не ломает.

Я рассмеиваюсь от боли.

— Ревность? — повторяю. — Да я что, по-твоему это дура ревнивая?

Слова срываются, но они не про те трусы и не про шелк.

— Я говорю про другое, про то, что ты приходишь в таком виде, что ты вообще подумал обо мне, приходишь ли в таком

состоянии домой, где спит наш ребенок.

Он делает шаг, тянется ко мне — загладить, обнять, замять.

В голосе сначала испуг, потом привычная агрессия.

— Хватит нести ересь, — он уже рычит сквозь зубы. — Это прикол какой-то. Я не изменял.

Я резко отталкиваю руку. Встаю.

Ноги ватные.

Мне хочется ударить его словами, чтобы в них вошло всё: и обещания, и бессонные ночи, и то, как он бросил мне «скоро» и ушёл.

Он переключается.

Щелк — и из жалости выезжает зверь.

Глаза темнеют, голос становится грубее.

— Слышь ты, — срывается он. — Ты что, думаешь, я тебе врать буду? Не видишь, мне плохо? Что ты пристала? У меня и так всё плывёт. Если я сказал «нет», значит так и было!

Он давит на жалость, на усталость, на привычку прощать.

Говорит о работе, о товарищах, о «ребятах». Слова летят, язык помело.

Холод и бессмыслица.

Мне хочется кричать, но кричать уже не помогает.

Хочется разорвать его на куски — не ради мести, а ради того, чтобы он наконец почувствовал, что сделал.

Я выхожу в коридор.

Слышу за спиной его «Надь, стой!» — пустой звук, как

эхо в пустой ванной.

Дыхание моё громкое, ровное, как нож.

На устах одно слово: «Довольно».

Иду на кухню. Хочу воды.

Хочу, чтобы сердце перестало прыгать.

Он ступает следом.

На столе — пустые банки, третья открыта.

Он делает глоток и смотрит на меня.

— Ты моя семья, — произносит он уже тише. — Мы с тобой семья. И никакие приколы этого не разрушат.

Я не знаю даже что и сказать. Что вот? Что?

— Ты моя семья, — повторяет он.

Слова падают в меня, но ничего не склеивают.

Я мотаю головой, от его оправданий толку нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила? — шепчу я, и в голос врывается рык. — Ты говоришь "семья", а ты пришёл в таком состоянии. О чём ты думал? Что о нас думал? — о дочке? О том, что пообещал ей сказку? — спрашиваю ровно, и от этого ровного голоса ему не по себе.

Он морщит лоб, пытается снизить тон, как будто хорошие тёплые слова — это бинт на рану мою.

— Перестань, Надь. Хватит раздувать из мухи слона. Ты ведёшь себя как истеричка.

И тут во мне что-то щёлкает окончательно.

Обычно я молчу, обычно держу, обычно проглатываю.

Но сейчас молчать — значит убить себя понемногу.

— Истеричка? — повторяю. — Ты помнишь, что ты обещал сегодня? Сказку для Веры. Ты её обещал. Ты пришёл и просто упал спать, а я с утра с ней одна. Ты подумал о ней вообще?

Он хватается за слова, пытается что-то сказать — «я устал», «было много», «не подумал».

Но именно эти «не подумал» — нож.

Как ты мог «не подумать» о нашей дочери?

Как ты мог решить, что приходить домой в таком виде — нормально?

В его глазах мелькает раздражение, потом злость.

Он говорит, что я «переборщиваю», что «всё это ерунда», что «он с нами».

Но я вижу по нему не сожаление, а требование — смириться, отыграть роль жены, которая всё простит.

Я делаю шаг к двери. Ровно, спокойно.

— Я не верю тебе, — говорю. — И знаешь что? Молчать я больше не буду. Ты думал о нас? А если нет — значит, ты и не часть этой семьи.

Он хмурится.

Я выдыхаю и молчу.

Не верю, даже при том, что очень хочу, чтобы это был просто страшный глупый сон.

Дорогие читатели, сегодня приглашаю в книгу нашего литмоба от Алисы Верди

"После развода. Осталась лишь ненависть"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/QbDk>

Глава 6 Стереть

Надежда

Так и прошёл месяц.

Дни потянулись одинаковые, будто кто-то поставил жизнь на паузу. Я пыталась его простить.

Пыталась убедить себя, что всё это — случайность, недо-
разумение, глупость.

Но каждый раз, когда смотрела на него, видела не родно-
го, самого любимого мужа, а чужого мужчину, потерявшего
контроль над собой и своими “ животными потребностями”
- предателя.

У меня все плыло перед глазами из-за “фантазий”. Мозг
сам рисовал картинки.

Я видела, как его руки обнимают другую, как его губы
шепчут не моё имя. И от этого всё внутри горело, не остав-
ляя на моем сердце живого места.

Теперь меня настораживает каждый его звонок, каждое
сообщение. Если задерживается с работы — сердце сразу в
пятки.

Если просто молчит, у меня начинается паника.

Он, кажется, всё понял.

Не пьёт, не встречается с друзьями, приходит домой почти
вовремя. Старательно, как будто отрабатывает шанс.

Много времени проводит с Верой — играет, читает сказ-

ки, смеётся. А я смотрю и не могу.

Не вижу в нем того мужчину, за которого выходила замуж.

Что-то внутри сломалось. Без звука, без шанса на ремонт.

Я ведь правда не знала, было это или нет.

Он клялся, что не было. Говорил, глядя прямо в глаза. И всё равно не верилось.

Это «не знаю» оказалось хуже любого «да».

Оно жрало изнутри.

Иногда я ловила себя на мысли, что, может, если бы знала точно — смогла бы простить.

А так живу между.

Между двумя берегами, и никуда не доплыть. Ни к первому, ни ко второму.

Каждый раз, стирая его рубашки, я ловила себя на привычном движении — проверяла воротники, плечи, запах.

Руки дрожали, сердце било в виски.

Ничего не находила, но легче не становилось.

Нет. Так невозможно жить. Так нельзя жить...

И вот сегодня он подошёл ко мне.

Просто подошёл.

Стою у раковины, мою посуду, вода шумит, и вдруг — его руки крепкие.

Обнял за талию.

Тепло. По-мужски.

Провёл ладонью по бедру, и от этого движения у меня внутри всё закаменело.

— Я сказку прочитал, — шепчет тихо. — Дочку спать уложил.

— Спасибо, — выдавливаю еле-еле.

Не дергаюсь, не хочу устраивать сцену при ребёнке, но кожа под его рукой горит.

Как будто тело само помнит ту боль, что он в него вбил.

Он прижимает сильнее.

Губами почти касается уха.

— Тебя тоже до кровати донести? — произносит с улыбкой, знакомой, как когда-то до мурашек, но теперь в ней нет тепла. Только настойчивость.

Я поворачиваю голову, чувствую его дыхание горячее.

Сердце бьётся быстро, но не от желания.

От злости.

От страха, что снова позволю себя уговорить, что опять поверю в то, чего нет.

— Нет, — прорычала я, и голос сорвался.

Резко вырываюсь из его рук, словно ошпаренная.

— Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался.

Он отступает. Секунда — тишина. Только вода капает из крана.

Потом слышу, как он делает вдох, как будто собирается сказать что-то важное.

Не говорит. Просто стоит.

Смотрит мне в глаза.

И в его взгляде — не любовь, не обида.

Пустота.

Я отворачиваюсь, выключаю воду, беру полотенце, вытираю руки.

Пальцы дрожат.

Между нас уже всё кончено, а сказать это вслух ещё не хватает сил.

Он уходит в комнату.

Я остаюсь на кухне, опираюсь о стол, закрываю глаза.

Дышу. Слышу, как за стеной шуршит Вера, ворочается во сне.

Моя девочка. Моя единственная радость в жизни.

Думаю, тяжело. Рядом со мной — мужчина, которого я когда-то любила до безумия.

Теперь он просто живет рядом как сосед.

Как чужой

И, наверное, это и есть конец — не когда кричишь, не когда бьёшь посуду, а когда внутри тихо.

Совсем тихо.

И уже не страшно.

И снова на моих щеках вдруг появились слезы. Всегда плачу.

Но не в один прекрасный день на следующей неделе.

Я сожрала себя своими мыслями, доконала.

Стояла с чемоданом в руке и не знала, куда себя деть и когда это кончится.

Казалось, вся жизнь сжалась в одну толстую нить, которую

кто-то дернул и оборвал.

Он ушел в тот день, когда я впервые не заплакала.

Просто стояла у окна, держа в руках чашку, и не понимала — что теперь со всем этим делать.

С коробками, с чемоданами, с Новым годом на носу и с восьмью годами брака, которые куда-то испарились, как дым.

На кухне пахло кофе, хотя он его уже не пил.

Говорил — горчит.

А мне теперь горчило всё.

Я тогда еще не знала, что боль может быть такой мерзкой, что она возвращается, снова и снова, каждый раз с новой силой и новыми картинками.

Пыталась отмыть её слезами; слез ни на что не хватало.

Потом были уговоры — мои и чужие, разговоры, крики, молчание, пустые обещания.

Ничего не помогло.

Всё началось в один, казалось бы, обычный вечер. Отдых с друзьями — «ничего серьезного», «мужики повеселились», «мы просто выпили».

Они зашли в стрип-бар, он вернулся уже предателем.

Просто измена», — говорили люди вокруг, как будто могли это словом смыть.

Но нельзя.

Нельзя стереть прикосновения, нельзя вычеркнуть секунды, когда он наслаждался другой.

Я стояла с чемоданом и говорила ему прямо, без надежды на чудо: «Я так не могу. Я не могу простить тебя».

Он рычал, как зверь, но не тот, что страшует семью, а тот, что боится потерять удобную жизнь.

— «Все бабы измены прощают, а ты такая вся нежная нашлась?» — выхватил у меня сумку, бросил в угол, как пустую бумажку. — «Не дури, Надя, будь мудрее. Без нормальной работы и с ребенком — куда ты пойдешь?»

Его взгляд был узелком претензий и угроз.

Он думал, что страх перед неизвестностью удержит меня.

Что я стану «мудрее», потому что страшно.

Но я вдруг поняла: бояться — это одно, жить в страхе — другое. Лучше холодный пол новой комнаты, чем ложь в старой.

Лучше пустота чужой квартиры, чем пустота в моем собственном доме из-за него.

Я смотрела на чемодан, на складки его рубашки, на то, как он стоит, будто хозяин положения, и чувствовала, как внутри всё пересыхает, как желание быть с ним просто умирает.

Не отрезано резко — постепенно, как будто из меня по капле вытекло то, что называли любовью.

В тот момент я вспомнила, как читала сказки Вере, как укладывала её спать, как он обещал «сказку, сказку», и не пришел.

В памяти всплыла каждая ночь, когда я ждала его шагов, и каждый раз шаги звучали по-разному.

Я не хотела, чтобы моя дочь росла в мире оправданий и полуправд. Она и не будет.

Он говорил: «Подумай о ребёнке, подумай о зарботке, подумай о будущем».

А я отвечала ему молчанием, потому что слова были лишними. Решение не рождалось в порыве, не было криком.

Оно было как острый камень, который я долго держала в руке, и в один момент просто бросила.

— Тогда иди, — выдохнула я. — И оставайся при своих «мудростях».

Он остался стоять, растерянный и злой, с выпученными глазами.

Я взяла сумку, повернулась и шагнула к двери.

За спиной слышала только его рык, попытку остановить, но шаги мои уже не возвращались.

Я вышла из квартиры, затворила за собой дверь и услышала, как в тишине коридора отдается её щелчок — точка разрыва, знак новой линии жизни.

Ох...

Я не плакала.

Я просто шла, и чем дальше от него — тем легче становилось дышать.

Вот я и ушла.

Только не думала, что через время он ворвется в мою жизнь как ураган.

Дорогие читательницы, доброго времени суток! Как вам

глава?

Спешу сообщить, что сегодня на мои книги действуют скидка 20%

(Не) Единственная https://litnet.com/shrt/_oD4

Ты. Она. Я. Теперь мы не семья <https://litnet.com/shrt/ft6B>

Измена. Вернуть нельзя уйти <https://litnet.com/shrt/cpPs>

Измена. тест на предателя <https://litnet.com/shrt/NDFZ>

Предатель. Нет пути назад <https://litnet.com/shrt/jTPZ>

Предатель. Знаю (не) верну <https://litnet.com/shrt/P2jQ>

Хорошего дня! Ваша Алена!

Глава 7 Прошное не спилить

Надежда

Прошло ровно четыре года. Сегодня — та самая дата когда я стала официально одинокой женщиной.

Взглянула на календарь, улыбнулась, вздохнула и дальше пошла. Грустно, но с другой стороны, а что поделать, если все так вышло?

Я отвезла Веру в школу, как всегда, чуть прижала к себе перед тем, как она выбежала к подружкам.

Её косичка качнулась, куртка наполовину расстегнута, как я и просила застегнуться — конечно, не застегнулась. Ой, беда моя, ой беда.

Машу ей и еду на работу.

Салон открываю первой.

Внутри тихо, даже слишком.

Вешаю куртку, включаю лампы, проверяю, чтобы стерилизатор щёлкнул, включаю музыку — мягкий фон, чтобы не думать.

— Ну что, поехали, — говорю сама себе.

Начинаю с рутины.

Открываю ящик с гелями — ставлю всё по цветам, проверяю запасы.

Розовый — почти пуст. Топ — один на донышке. Пилки и бафы — имеются.

Записываю в блокнот.

Потом достаю инструменты из стерилизатора.

Разлаживаю по индивидуальным пакетам, закрываю степлером. Щёлк, щёлк, щёлк.

Каждое утро одно и то же, но куда деваться.

Звонок на двери — первая клиентка.

Марина, бухгалтер. Моя постоянная уже три года. Садится, как домой.

— Надь, я без кофе не могу, — смеётся она.

— Ставь, у тебя вон своя кружка уже почти, — отвечаю я, надевая фартук.

Пока пилю ногти, она рассказывает про мужа, который снова забыл прибить полку в ванной, про начальницу-змею, про жизнь.

Я киваю, поддакиваю. Иногда вставляю одно слово — и ей сразу легче.

Мои клиенты приходят не за маникюром. Они приходят выговориться.

Следом — Таня, мама троих. У неё вечный бардак, вечный смех и вечные пятна краски на руках.

— Я вот думаю, — болтает она, — может, развестись, а? Хотя кто меня потом с моими детишками возьмёт?

Я улыбаюсь — слишком узнаваемая фраза.

— Возьмут. Главное — не первый встречный, — улыбаюсь и продолжаю обрабатывать кутикулу.

— Ой, Надь, ну ты ж у нас мудрая.

«Мудрая»... смешно. Если бы они знали, как мне самой часто не хватает этой мудрости, такие бы вещи не говорили.»

Третья клиентка — студентка. Молоденькая, с голубыми ногтями и розовыми наушниками.

— Он сказал, что я слишком много думаю, — говорит, пока я покрываю ногти базой.

— А он, наверное, слишком мало, — поддерживаю диалог.

Она хихикает, а у меня внутри щемит — сколько же раз я слышала похожее.

День летит. В салоне шум.

Я полностью в работе, но где-то под кожей всё равно ощущаю сегодняшний день.

Четыре года назад я разводилась, стояла с чемоданом в дверях, уходила из квартиры, пока муж уходил из моей жизни.

В телефоне вибрация.

Открываю — сообщение от Веры:

«Мама я палучила 5 по окр миру! Обед был мокароны!»

Улыбаюсь, одним пальцем печатаю: «Горжусь тобой, умница».

Моя хорошая, моя красавица, знала бы она, как сильно мамочка ее любит. Эх.

Следующие клиентки идут одна за другой.

Я даже не успеваю пообедать — бутерброд так и лежит, завернутый в фольгу.

Руки гудят, плечи ноют, но я не жалуюсь.

Под конец дня я сижу у окошка с чашкой чая и жду последнего человека.

— Добрый вечер! — звонкий голос вырывает из мыслей,
— А вы Надежда, да? Мне вас все советовали.

Я поднимаю глаза — и невольно улыбаюсь.

Передо мной стоит девушка — лет двадцати, не больше.
Яркая.

Брюнетка, волосы до плеч.

На правом ухе — пять сережек. кольцо, гвоздик, цепочка,
звезда и маленькое сердечко.

Брови выведены тонко, алый блеск для губ. Ого.

— Здравствуйте! Все верно! Вы Анастасия? Присаживайтесь, — зову я к рабочему месту, — Что делаем?

— Нарращивание, — говорит без колебаний. — Семерку нарастить, хотя бы шестерку, стилеты.

Я удивляюсь.

Длинные? Сейчас почти никто не просит. Все нюд, натуральные, короткие — под офис, под школу, под Новый год максимум блёсток добавят.

Садится, работаем, принимается рассказывать о своем женихе.

Говорит быстро, громко, всё с эмоциями, будто давно ждала слушателя.

Я успеваю только поддакивать.

— Он такой... ух! Надежный, серьезный. Мы с ним почти

полгода вместе. Замуж пора мне.

— Ого, уже полгода, — отвечаю я, — Быстро.

— Да, но я уже всё решила, — кивает Настя, — Хочу жить с ним, надоело мотаться туда-сюда. Поженимся — и сразу перееду.

Она болтает не переставая: про учёбу, про экзамены, про соседку по общежитию, которая «всё время жрёт мои йогурты».

Я слушаю, ловлю себя на мысли, что завидую этой энергии. Шепотная до ужаса.

Она на юридическом, третий курс, «вся такая правильная.»

Смеётся заразительно, кивает сама себе, перескакивает с темы на тему.

— Я вообще не люблю скуку, — говорит, глядя на свои ногти. — Мне нужно, чтобы всё было красиво. И чтобы любили. А он любит! Просто... Ну, ревнует, конечно, но я же знаю — от любви.

Я тихо вздыхаю.

— Молодая, горячая, — думаю про себя.

— Воодушевляюще, — комментирую вслух, шлифуя один из ногтей.

— Конечно! — оживляется она. — Мы как огонь с ним, честно! Вот гляньте, — она вытаскивает руку из-под лампы, ловко берёт телефон. — Сейчас покажу!

Маникюр прошлый облез, видно, сама снимала.

Она быстро набирает что-то в телефоне, жмёт на экран,

улыбается.

— Вот он, мой красавчик! — и поворачивает смартфон ко мне.

Я вижу экран.

И в тот момент всё вокруг будто обрывается.

На фото — он.

Вова.

Мой бывший муж.

С тем же прищуром, с теми же глазами, что когда-то смотрели на меня.

Рука на её плече, улыбка до ушей, рубашка та самая, синяя в клетку, которую я когда-то гладила стоя на кухне в нашей квартире.

Я застываю.

Слышу только её голос:

— Ну? Красавчик, да?

А я не могу вымолвить ни слова.

Дорогие читатели, сегодня приглашаю в книгу нашего лимтбо от Евы Стоун

"Бывший муж. А кто теперь кому не пара"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/suBj>

Муж признал роман на стороне и прямо сказал, что я ему не пара.

Прошли годы. Жизнь, как и бывает, все расставила по сво-

им местам.

Бывший муж больше не видит во мне мягкотелую овечку, которой изменял, и хочет возобновить отношения.

Но какая мне разница, ведь я прекрасно живу без него.

И кто теперь кому не пара?

Глава 8 Замолчи

Надежда

Я была в шоке, словно меня окатили ледяной водой.

Такого совпадения не бывает — но вот оно, сидит напротив, улыбается, щебечет, крутит на пальце кольцо и рассказывает про «своего Вову».

Моего Вову.

Того самого, от которого я когда-то уходила, держа чемодан и гордость, как единственное, что осталось.

Не знаю, как я досидела.

Она болтала без остановки. Всё в ней — открытость, лёгкость, уверенность в том, что жизнь — это яркий фильтр с хештегом #люблю_его.

— Мы познакомились случайно, — говорит она, когда я обрабатываю ей ногти. — Он тогда пришёл с другом, а я с подружкой. Сразу как-то щёлкнуло, понимаете? Он сказал, что я не такая, как все.

Я молчу.

Понимаю слишком многое, но язык будто прирос.

Слышу себя со стороны — как ровно дышу, как стучу пилкой по столу.

Она говорит, а я будто не здесь.

«Не такая, как все».

Вот ведь мастер слова, подумала я. Эту фразу я слышала

ровно столько раз, сколько он возвращался с извинениями.

— Он у меня вообще сильный, — продолжает она, пока я крашу базу. — Настоящий мужчина. Военный же. В нём есть такое... что-то надёжное. С ним я чувствую себя защищённой.

Военный.

Я киваю, не поднимая глаз.

Да, защищённая.

Я тоже когда-то так думала. Пока не поняла, что за этим «твёрдым» — холод.

А за «сильным» — равнодушие.

Она продолжает, не замечая, что с каждой минутой я всё меньше слушаю.

Моя спина ноет, руки гудят, голова гудит ещё сильнее.

Хочу выключить лампу, просто выдохнуть и закрыть глаза.

Хочу, чтобы она замолчала.

«Господи, как я досидела до конца?» — мелькает мысль.

Киваю, поддакиваю, улыбаюсь.

Она, счастливая, не видит моего лица. И слава богу.

Внутри у меня всё клокочет.

Не ревность — нет.

А раздражение, обида, злость на судьбу, которая снова зачем-то подкинула мне это.

Как будто решила проверить: ну что, Надя, прошла? Зажила?

Нет. Не прошла. Не зажила.

Она рассказывает, как они ездили на выходные, как он варил ей кофе в постель, как звонил, когда она простудилась.

Каждая фраза — как щепка под кожу.

Сидит и восхищается, а у меня внутри кипит: да, варил, и мне варил, пока не остыл; и звонил, пока не забыл; и защищал, пока не начал разрушать.

Я смотрю на её лицо, на улыбку, на эту наивную уверенность, и думаю: не её вина.

Она просто не знает. Не знает, как быстро он устанет, как однажды она тоже будет сидеть и ждать, когда он «просто поехал с ребятами».

Руки у меня двигаются автоматически, всё идеально: форма ровная, выравнивание блестит.

Я уже не чувствую ни жалости, ни интереса. Только усталость и раздражение.

Хочу, чтобы она ушла.

Поскорей.

Хочу закрыть салон, выключить свет и остаться в тишине.

«Боже, — думаю, — только бы не пришла снова».

Не хватало мне ещё слушать, как хвалят моего бывшего мужа.

Мужчину, который из моей жизни пропал, как вода уходит в сухую землю.

Который появляется только в смс-дочери, в редких звонках, где всё слишком..

«Как у тебя дела, Верочка?», «Учись хорошо». И всё.
Ни слова мне.

Ни тени того человека, которого я когда-то любила.
А теперь вот он — в её телефоне.

В её рассказах.

В её блестящих глазах.

И это обидно до боли.

Не потому что ревную, нет.

А потому что, выходит, для кого-то он снова хороший.
Снова герой.

А я — просто тень из прошлого.

Где-то на другом конце его жизни.

Я ставлю последнюю точку — топ, масло, салфетка.

— Всё готово, — произношу и чувствую, как голос дрожит.

Она восторженно глядит на ногти, хлопает ресницами:

— Боже, как красиво! Спасибо вам, Надежда! Я к вам теперь только!

Я киваю, натянуто улыбаюсь.

— Конечно, приходите, — говорю, и сама себе вру.

Не придумаю, что скажу в следующий раз, если она снова покажет его фото.

Только знаю одно — больше я не хочу её слушать.

Когда дверь за ней закрывается, я опускаюсь в кресло.

Голова гудит, будто в ней кто-то бьёт в набат.

И внутри одна мысль:

Как же хорошо, что я тогда ушла.

И в этот момент я думаю не о нём.

О Вере.

Она растёт, умная, добрая, послушная. Но в её глазах есть что-то, что я стараюсь не замечать — тоска по отцу.

Она не говорит прямо, но иногда, когда мы идём домой после школы, она вдруг спрашивает:

— Мам, а папа когда приедет?

И я каждый раз подбираю слова, как осколки стекла.

— Скоро, доченька. Просто у него работа.

Она кивает, верит.

А я потом ночью лежу и слушаю, как она во сне зовёт его — тихо, по-детски, будто стесняется.

Он звонит, да. Иногда пишет. «Как у тебя дела?», «Ты умничка?», «Папа тебя любит».

Слова хорошие. Только правды в них нет.

Он разговаривает, но не присутствует.

И Вера это чувствует.

Недавно сказала:

— У Маши и у Кати папа живут дома. А мой — в телефоне.

И я... я тогда впервые не нашла, что ответить.

Сердце сжалось, как будто кто-то пальцами выжал.

Если честно, я виню себя.

За то, что не смогла сохранить для неё семью, как у других.

За то, что выбрала одиночество вместо лжи.

Может, я и была права — но ей от этого не легче.

Она ведь не понимает, почему я ушла.

Для неё он всё равно — папа. Герой.

Ой... тяжело все это. Убираю со стола.

Пилочки в ящик, кисти, лампы выключаю. Голова гудит, будто там поселился кто-то с молотком. В глазах рябит от света, плечи тянут вниз. Хочу домой. Просто лечь. К дочке. Обнять её, почувствовать, как она пахнет. Моя кровинушка.

Я просто хочу лечь на кровать, вытянуть ноги и хоть немного перестать думать.

Закрываю кассу, выключаю свет в зале, беру сумку. Смотрю на часы — почти десять. Поздновато.

Выдыхаю.

— Всё, хватит на сегодня, — шепчу себе под нос.

Открываю дверь, выхожу в прохладный вечер.

На крыльце стоит она — та самая девушка. Моя последняя клиентка.

Стоит, кутается в короткую куртку, руки в карманах, ноги сверкают под фонарём.

«Стоит ведь, мерзнет», — мелькает у меня мысль.

Я прохожу мимо, кивком прощаюсь, но она не двигается. Улыбается куда-то мимо.

И вдруг слышу — за углом рычит мотор.

На дорогу выезжает большой чёрный внедорожник. Останавливается прямо у входа.

Секунда — и дверь открывается.

Время замирает.

Сердце пропускает удар.

Я не двигаюсь. Стою в темноте, с ключами в руке, и чувствую, как во мне всё сжимается.

Я вижу, как она расправляет плечи, поправляет волосы.

А из машины выходит он.

Мой бывший муж.

Дорогие читатели, сегодня хочу пригласить в книгу нашего литмоба от Мэри Кац

Измена. Его (не) любимая жена

СС

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/1AyK>

Глава 9 Ткнуть носом

Надежда

Стою и смотрю на него, как на призрака.

Ой... За что, а, мне это?

В груди — ком, будто туда забили все слова, которые я не сказала за эти годы.

Мой бывший муж.

Мой кошмар, мой когда-то любимый человек, мой удар по самолюбию, моя ошибка и мой урок.

Он тут и стоит, в раскорячку передо мной.

Я не успеваю даже сделать вид, что не заметила.

Потому что я заметила, еще как!

В голове одна мысль: в какой переулок скрыться?

Хоть под машину, хоть в сугроб.

Я вся внутри как застыла, как вкопанная приклеелась к асфальту и шагу сделать не могу.

Внутри бурлит только холод, злость и зачем-то еще растерянность.

Сердце стучит, как сумасшедшее.

Чего мне бояться? Казалось бы, нечего.

Я ведь просто не ожидала его увидеть. Не то, чтобы сегодня. А вообще. Я слишком привыкла жить без него. Как бы грустно уже не звучало.

Просто бац — и прошлое вылезло на крыльцо салона кра-

соты, как ни в чём не бывало.

Он делает шаг.

Рука в кармане, воротник поднят.

Попугай вальяжный.

Всё тот же. Только взгляд другой, мужик, которому не надо больше заботиться о семье, мужик у которого всё хорошо.

— Привет, Надь, — он здоровается первым. — Не знал, что ты теперь тут работаешь.

Ты вообще ничего не знал, муженек.

Сухо, через зубы, чтобы не выдать дрожь, я цежу:

— Привет.

Он смотрит на меня внимательно, как будто оценивает и девушка эта его распрекрасная с новым маникюром стоит рядом.

Её взгляд бежит между нами.

Знала бы ты, девочка, что я бывшая его, не показывала бы мне фоточки любезнейшего своего.

— Вы знакомы? — спрашивает она.

Вижу по глазам, что шокирована - мягко сказано.

Я улыбаюсь. Злоба во мне взялась, откуда даже не знаю.

— Да, пришлось. Немного, — отвечаю я первой. И добавляю уже почти шепотом. — Спасибо, что пришли. Всего доброго.

Разворачиваюсь.

Хочу просто уйти.

Скорей, пока не сорвусь, пока не начну кричать посреди

улицы.

Делаю шаг, второй, третий, уже почти спасаюсь, когда за спиной звучит его голос.

— Как дела у Веры?

Останавливаюсь.

Словно кто-то ударил по спине.

Скотина.

Поворачиваюсь медленно, как в тумане.

Он стоит, будто ничего не произошло.

Спрашивает так... легко. Будто говорит о какой-то ерунде, а не о собственной дочери.

Всё внутри взрывается.

Тепло, злость, обида, боль — всё, что я давила годами, вырывается наружу.

Я смотрю ему в глаза.

И вместо слов показываю ему фак.

— Козёл, — прошептала себе под нос. — Мудак.

Слова срываются с губ, как плевок.

Он прищуривается, будто не понял.

А я уже разворачиваюсь, почти бегу к машине.

В голове одна мысль, повторяющаяся, как метроном:

Какой же он мудак. Какой же мудак.

Четыре года он не видел дочь.

Четыре года ни разу не приехал.

Только редкие звонки, сухие «как дела, Верочка?», и ни разу — «я приеду, я скучаю».

Только обещания, только мнимый интерес.

А теперь, при новой девочке, он вдруг вспомнил, что у него есть ребёнок.

И спрашивает, как у неё дела.

Как будто ему не плевать.

Как будто не я ночами слушала её шёпот — «мама, а папа придёт?»

Как будто не я объясняла, что «папа на работе», чтобы не видеть, как у неё в глазах слезы наворачиваются. Малышка моя.

— Прекрасно, — шепчу снова себе под нос, пока шагаю к машине. — Прекрасно у неё. Без тебя, все замечательно.

Сзади слышу голос девчонки.

— Подожди, Вов, вы правда знакомы? Я не знала...

Она что-то ещё спрашивает — «а кто вы друг другу?», «вы работали вместе?» — но он её перебивает.

— Не сейчас.

Слышу уже злой.

И всё.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти врезаются в ладони.

Злость пульсирует в висках.

Сердце гудит, как мотор.

Сажусь в машину, хлопаю дверью, стекло дрожит.

Руки трясутся, дыхание сбивается.

Прокручиваю в голове его лицо, её улыбку, его вопрос —

«как дела у Веры?»

И не понимаю, зачем судьба решила ткнуть меня носом в это снова.

Четыре года я старалась вычеркнуть всё, а он взял и явился — с другой, с этим своим спокойствием, с этим фальшивым интересом.

— Паскуда, — выдыхаю сквозь зубы.

Слёзы подступают, но я стискиваю зубы.

Я не плачу.

Не из-за него.

Больше из-за него и слезы не пролью, обещаю...

Глава 10 Главная ценность

Надежда

Еду домой как в тумане.

Руки на руле дрожат, мысли скачут, как безумные. В груди гул — не сердце, а мотор, который никак не останавливается.

Перед глазами — его лицо.

Это "привет, Надь" будто застряло в ушах.

И её — молодая, красивая, счастливая.

Боже, как же всё несправедливо.

Бесит. Бесит. Бесит и еще раз меня это бесит все. Особенно этот

Фары встречных машин режут глаза.

Я моргаю, чтобы не заплакать.

Не хочу. Не позволю себе.

Четыре года держалась, не сорвалась, и сейчас не дам ему снова влезть в мою жизнь.

Да как он смеет спрашивать? Где он был, когда у неё была температура сорок? Когда она плакала по ночам, потому что "папа забыл позвонить"?

Когда я одна сидела у кровати и гладила ей волосы, пока она шептала: "мама, мне его не хватает..."

Четыре года я сама была и мамой, и папой, и всем остальным.

А теперь он вдруг вспоминает — ради красивого жеста,

чтобы новая не подумала, что он полный мерзавец?

Да пошёл он в сракотань.

Съезжаю с трассы, останавливаюсь у круглосуточного магазина.

Берусь за корзинку. Просто чтобы чем-то занять руки.

Мне многого и не надо.

Надо купить что-то полезное и вкусное.

Беру молоко, творог, рулет с маком — Вера его любит.

Еще прохожусь по полкам, набираю по мелочи.

На полке замечаю тетрадки. В клетку, с котятками на обложке.

Беру три. Хотя дома уже целая стопка. Пусть будут.

Она ведь всё время что-то пишет — рисует, придумывает, считает.

Моя девочка растёт, как будто спешит догнать жизнь.

Ой ошибка молодежи, хотя вспоминаю себя тоже скорее хотела стать взрослой.

Только сейчас понимаю, с каким наслаждением бы стала просто маленькой девочкой, так, все.

Смотрю на чек — сумма приличная.

Чем больше тратишь, Надя, тем больше приходит.

Думаю и улыбаюсь впервые за день.

Как бы ни было тяжело, у меня есть доченька.

И этого достаточно, чтобы не сойти с ума.

Еду дальше.

Улицы уже темные, только фонари цепочкой отражаются

в мокром асфальте.

Домой. Домой. Домой.

Жму на газ, злюсь на светофоре, еще и стекло запотело.
Вот блин.

Поднимаюсь по лестнице, ключи звенят в руке.

Дверь открываю осторожно — не хочу разбудить. Вдруг спит уже.

Но в гостиной горит свет.

Телевизор шумит, болтовня, на экране собачки.

Вера лежит на диване, укрытая пледом, глаза усталые, но радостные.

— Как дела, малышка? — спрашиваю тихо, снимая сапоги.— Привет.

— Привет, мамуля, — она поднимает голову и улыбается.
— Всё хорошо. А ты что такая уставшая?

Я скидываю пальто, опускаюсь рядом, глажу её по волосам.

Бакс на кресле спит. Не проснулся даже от моего прихода, что ж его так утомило то?

Я улыбаюсь и наклоняюсь к дочери.

— День тяжёлый, доченька. Очень.

Она хмурится, смотрит на часы, потом снова на меня. Уже вижу этот взгляд понимания и подозрительности одновременно.

— Уже поздно... Мам, ты опять много работала?

— Бывает. Давай лучше чай попьем. Я рулетик купила.

Она мгновенно оживляется.

Этой только дай и она уминает за обе щеки. Совраска.

— С маком?

— Конечно, с маком, — отвечаю и чувствую, как с души будто спадает тяжесть.

Иду на кухню, ставлю чайник.

Слышу, как она поет что-то себе под нос, смешно, с придыханием, повторяя рекламу про средство для мытья полов

И в этот момент понимаю: всё, что мне нужно — вот оно.

Тепло, смех моего ребёнка и чашка чая.

Пусть за дверью хоть весь мир рушится — дома меня ждёт моя Вера.

Пусть этот козел там со своей молодухой и развлекается.

Нам тут и без него прекрасно. Более чем...

Дорогие читатели, сегодня приглашаю в книгу нашего лимтоба от Яны Мосар

"После развода. Не поверю больше"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/hZaZ>

Глава 11 Камень в гору

Надежда

Ночь. Вера спит.

Я сижу на кухне, передо мной бокал вина. Не знала как себя успокоить и почему вообще так сорвалась, как истеричка, тоже не понимаю. Просто задело что-то внутри. Старые раны еще не до конца зажили.

Глоток — и горло обжигает. Второй — легче.

Третий — бесполезный.

Ничего не становится проще. Ничего не становится...

Я думала, пройдет. Что время затянет. Что если не вспоминать, не говорить, не касаться, то боль сама выветрится и перестанет зудить где-то в груди.

А она только сильнее въелась, черт..

В каждом углу, в каждой вещи.

Открываю ящик — старые фотографии.

Мы там — семья. Он держит Веру на руках, она тянет к нему руки, смеется. А я рядом, в платье, влюбленная до безумия женщина, счастливая.

Какая дурочка.

Выбрасываю одну, вторую, третью обратно в шкаф. Потом снова достаю — смотрю, будто пытаюсь понять, в какой момент всё рухнуло.

Где я оступилась, что он вообще налево пошел? Где я как

женщина сплеховала?

Может, надо было простить?

Может, если бы я осталась, он бы остепенился, был бы рядом, Вера видела бы отца, а не слышала его только по телефону?

Может, может, может я все сделала не так?

К горлу подступает ком.

Я вру ей, что он занят, что работа, что на самом деле папочка ее любит, просто не может.

Не представляю, что было бы если бы она думала еще, что ему не нужна, хотя... скоро совсем взрослая станет и все сама поймет. Может это я в тайне и жду.

Всё равно чувствую вину, как будто это я разрушила семью.

Я. Потому что не смогла забыть. Не смогла простить.

Потому что не смогла притвориться, будто не было ничего.

Тяжесть правды давит на грудь.

Хочется закричать. Хочется выбросить всё к чёрту — посуду, бокал, эти фотографии.

Но я просто сижу, как прибитая, как приклеенная на момент к этому месту.

Вытираю ладонью слезы, но они всё равно катятся.

Понимаю, что устала.

Быть сильной устала до безумия. Быть матерью-одиночкой устала.

Устала быть той, кто камень каждый день катит в гору и знает, что завтра он опять покатится вниз.

Иногда кажется, что я держу этот мир на своих плечах — дом, Веру, работу, всё. И если отпущу хоть на секунду — всё рассыплется.

А ведь никто не видит, что я тоже человек. Что мне страшно. Что я могу не выдержать.

А мне страшно, мне так до безумия страшно, плохой быть матерью, не встретить свою любовь.

Ведь я никого и не встретила, даже шанс больше дать не могу. Не верю больше мужчинам и боюсь, честно признаюсь, боюсь, что и не поверю никогда.

Я ставлю бокал в раковину.

Подхожу к окну.

Город спит.

А у меня внутри всё орёт.

Не хочу быть сильной.

Не хочу, не хочу.

Хочу просто, чтобы кто-то обнял и сказал: «Ты справи-лась. Теперь можешь отдохнуть».

Но никого нет. Ни одного сильного плеча рядом, ни одной теплой руки, которую мне подали.

Только я. Одинокая и никому не нужная женщина.

Я гашу свет, ложусь рядом с Верой.

Она во сне что-то шепчет, тянет руку, ищет. Я беру её ладонь и прижимаю к груди.

– Моя девочка...

Глава 12 Меня ждут

Надежда

Голова к обеду уже гудит — с утра полный завал.

Одна клиентка за другой, телефон не умолкает, кофе остывает, руки дрожат от усталости. Всё как обычно: улыбка, лак, пилочка, лампа.

Я знаю этот ритм наизусть.

И всё бы ничего, если бы внутри не зудела какая-то непонятная тревога.

После третьей клиентки я наконец позволяю себе паузу.

— Девочки, я в пекарню, кофе если кому взять, вы пишите.

Говорю и натягиваю куртку.

На улице сыrovато, но приятно выдохнуть — хоть минуту без “бубубубубуб”

Открываю дверь, делаю шаг — и врезаюсь в кого-то.

Она.

Эта девица новая Вовина.

— Ой, простите, — выдыхает она, а потом добавляет: — Надежда, здравствуйте.

Я моргаю.

— Здравствуй... — отвечаю осторожно, но внутри всё сжимается.

Что она тут делает?

— Можно на минутку? — говорит и почти не даёт мне ответить, хватая за руку и тянет к двери.

Пальцы ледяные, хватка железная.

Я вырываюсь.

— Эй, вы что творите?

— Пожалуйста, выйдите со мной, это важно.

Мы оказываемся на улице.

Ветер бьёт в лицо, волосы липнут к щеке.

Она стоит, смотрит на меня нервно, будто сама не верит, что решилась прийти.

— Я по поводу Вовы, Владимира, — произносит быстро, будто боится передумать.

Имя разрезает внутри всё.

— Вовы? — повторяю сухо.

Не надо меня втягивать...

— Да. Вы... вы что, его бывшая?

Сердце будто споткнулось.

Я втягиваю воздух, стараюсь не показать, как меня кольнуло.

— Бывшая жена, — произношу медленно, — Если быть точнее.

Она моргает, губы приоткрываются.

— Я думала, он рассказывал, — добавляю я — Что у него была семья... и есть дочь.

— Дочь? — переспрашивает она, будто не расслышала.

Глаза круглые.

На лице шок — настоящий, растерянный.

Секунда тишины, только люди проходят мимо, хлопают дверями машин.

— Я ничего не знала, — выдыхает она. — Он не говорил... ничего не говорил...

Я молчу. Просто смотрю на неё — растерянную, молодую, ту, у которой впереди вся жизнь и, может быть, тот же путь, что я уже прошла.

И внутри всё стынет.

На этом и замираем: Она — с расширенными глазами. Я — с каменным лицом.

Слова между нами застряли где-то в горле.

— Подождите, — голос у неё сбивчивый, дыхание рвётся. — А как давно вы... ну... вы же были вместе, да? Он говорил, что свободен давно.

Я смотрю на неё и не понимаю — чего она добивается. Любопытства? Сочувствия? Или просто хочет убедиться, что не ошиблась?

— Девушка, — произношу медленно, глядя прямо ей в глаза, — вы зачем сюда пришли? У вас вопрос по маникюру или нет?

Она нервно сглатывает.

— Да поймите меня как женщину, — начинает снова, — я просто хочу знать... хочу понять, как всё было. Он... он ведь вас любил? Почему всё закончилось?

Я устала в прошлый раз ее слушать и этот допрос сейчас

не к чему.

— Как женщина, — говорю спокойно, — могу сказать одно. Если мужчина не рассказал вам о своей семье и детях — это не тайна, это звоночек.

Она хмурится, брови хмурит.

Я продолжаю, чувствуя, как внутри медленно закипает раздражение:

— Это значит, что ему плевать. На прошлую семью, на дочь, на всё.

И если вы хотите строить с ним новую, не удивляйтесь, если он однажды будет изменять вам так же, как и мне.

Мгновение тишины.

Она будто окаменела, потом едва слышно выдыхает:

— Он... он вам изменял?

Я киваю.

— Да. Изменял.

Она моргает, губы дрожат. Ей больно от моей боли? Или от возможной будущей своей?

И впервые я вижу в её глазах не надменность, не молодую самоуверенность, а растерянность — ту самую, через которую я сама когда-то прошла.

— Простите, — произношу я делая шаг назад, — Меня ждёт круассан с ветчиной. А вас, я думаю, ждёт разговор с вашим благоверным.

Поворачиваюсь и иду прочь, даже не смотрю, пошла ли она за мной.

Слышу, как каблуки её застучали по тротуару, потом замедлились.

Она, видимо, поняла — разговор окончен.

И слава Богу.

Холод пробирает до костей.

Пальцы краснеют, нос течёт, я достаю салфетку, вытираю.

Губы немеют, но внутри — не пусто. Внутри ком, который невозможно проглотить.

Злость, усталость, какое-то странное чувство жалости — не к себе, к ней.

Думает, у неё всё будет по-другому...

Шаги по асфальту гулкие, город кажется чужим.

Иду, и каждый вдох — как толчок под рёбра.

Перед глазами — Вера, её улыбка, эти наивные вопросы про папу.

Да, вот теперь я знаю, какой он пример для дочки.

Замечательный мужчина, которому плевать и на старое, и на новое.

Сжимаю зубы, стараюсь не расплакаться — слёзы уже не помогут, не вымоют ничего.

В голове только одна фраза крутится: пипец дожили.

Дорогие читатели, как думаете сам Владимир скоро придет?

А пока мы ждем продолжения, хочу вас пригласить в свою новинку.

Переживательно с первых строк. Очень буду ждать вас

там!

"Жена офицера. Я за ним, извини - гордость."

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/6hBF>

Аннотация:

— Ну, сплю я с ней и что? — бросает муж, лениво застегивая китель, — что ты мне голову выносишь?

Я теряюсь от услышанного и не понимаю, зачем он столько времени врал и отрицал.

— Что?

— Говорю, сплю я с ней, а тебе бы себя побережь, как никак сына моего носишь.

Я вышла замуж и переехала за ним в военный городок. Однако я не знала, что здесь у него уже есть любимая...

Он думает можно всё вернуть, а я стою, смотрю на свои собранные вещи и глажу живот.

— Ничего, маленький, мы и без папы справимся...

Или... извини, гордость?

Хорошего дня, Ваша Алена!

Глава 13 Вымоли любовь

Владимир

Сажу напротив Насти на кухне, она ревёт так, будто её сейчас прямо здесь оставили у разбитого корыта.

Слезы текут без перерыва уже час. Тушь уже размазалась по щекам до самой шеи, салфетки валяются по всему столу.

Я наливаю себе чай, уже во рту пересохло и уши вянут. Сколько можно претензий? Не сказал - значит не надо ей знать. В чем логика меня пилить?

— Ты будешь? — спрашиваю, зная, что ответ будет тот же.

Она мотает головой, всхлипывает.

Но через пару минут минут всё равно тянется к кружке, двумя руками держит, как ребёнок.

Пьет маленькими глотками. Шмыгает носом. Ой, бя.

Смотрю на неё — и жалости ноль.

Только пустота и раздражение.

Зачем она пошла к Наде? Что хотела узнать? Чего доби-
лась в итоге? Скандалов и слез? Как же в женском стиле.

— Она сказала... — Настя едва выговаривает слова, —
что как женщина советует мне... уйти от тебя.

Слеза падает прямо в чай.

— Понимаешь? — всхлипывает. — Она сказала, что ты
можешь... ну... повторить то же самое и со мной.

Я поднимаюсь, подхожу к окну. Замело сегодня дороги,

конечно, надо будет на прогрев пойти прогреть машину, откопать чутка.

Пока что просто выдыхаю. В голове — гул. Словно обезьянки бьют металлические тарелки, барабанят без остановки.

— А ты хочешь уходить? — спрашиваю, не поворачиваясь.

Чего она добивается то? Что нужно?

Она ставит кружку на стол.

— Я просто... — снова всхлип, — думала, что мы... вместе.

Пауза.

Глоток воздуха, будто ей его не хватает.

— И что ты меня любишь.

Я моргаю, ощущая, как внутри поднимается злость. Ком встаёт в гортань так, что говорить неприятно.

Но я всё равно говорю:

— Я тебя не люблю.

Тишина.

— Не как женщину, Насть. Просто... как человека. Уважаю.

И всё.

Теперь я встал полубоком.

А она будто застыла. Слезы моментально прекращаются, даже дыхание исчезает. Глаза круглые, как две монеты — по пять копеек.

Только губы дрожат.

— Что?... — шепчет она, но в этом шепоте больше боли, чем в ее прошлых рыданиях.

Она не дышит.

В самом буквальном смысле — грудь даже не двигается.

Я поворачиваюсь полностью и не понимаю, что дальше будет.

Она подается вперед всем телом.

— Как... как это — не любишь? Мы же... я же...

Слова рвутся, но она их глотает, давится ими.

— Я же люблю тебя. Слышишь? Люблю!

Слезы снова хлещут.

Она почти падает лицом в ладони.

— Как ты можешь так спокойно говорить?

Ее плечи трясутся.

— Я же... я же всё для тебя делаю... я старалась... я верила тебе...

Она поднимает глаза и смотрит прямо в меня, будто я должен сейчас кинуться к ней, обнять, пожалеть. Но я не иду...

— Как можно... так? Как можно быть со мной, еду мою есть, вместе время проводить, гулять как мы с тобой... и не любить?

— Насть...

— Не перебивай! — бьёт по столу ладонью. — Ты хоть понимаешь, что со мной сделал? Я думала... я верила... я мечтала... а ты...

Она шмыгает, снова хватает салфетку, рвёт её пополам.

— Я вчера думала, что твоя бывшая просто злая стерва,
— шепчет она. — А теперь понимаю — она тебя насквозь
видит. Она даже мне сказала правду. А ты? Ты хоть раз ска-
зал? Хоть намек дал?

Её подбородок дрожит.

— Зачем я тебе тогда? Зачем? Скажи! Тебе никто не ну-
жен да? Ни бывшая твоя? Ни дочка и я тоже не нужна, да?
Даже я?

Я молчу.

Не знаю, что ей ответить.

Да и что тут скажешь? Любое слово будет только хуже.

Первое, что думаю — она ведь неплохая. Нормальная дев-
чонка. Добрая. Дочка уважаемого мужика, не из проблем-
ных.

И как женщина — ну... могла бы кому-то подойти. Не
худший вариант.

Но не мне.

У меня к ней внутри ничего не лежит. Ни искры, ни тяги,
ни того чувства, от которого радовать человека хочется.

Мы спали... Да что там, четыре раза всего за все время.

И то — когда она меня вынудила этим своим «ну правда,
я хочу тебя рядом». Мне никогда не хотелось её. Ни разу. Не
тянуло.

Но есть во мне какая-то долбаная человечность.

Где-то спрятанная глубоко, как ржавый болт — не нужен,

но не выбросить.

Я подхожу к ней.

Она всхлипывает, бьёт кулаком по своему колену. И я, идиот, кладу руки ей на плечи и притягиваю к себе.

— Успокойся, — шепчу. — Всё.

Она вжимается в меня, будто тонет и я — спасательный круг.

— Давай. Выдохни. Перестань реветь, голова потом треснет.

Она цепляется за меня руками холодными. Дышит мне в грудь, пальцы сжимаются на моей футболке.

А перед глазами Надя. Та, как она прижималась, когда плакала из-за любой мелочи.

Ее лицо, мокрые ресницы... Ее запах... Ее руки, впившиеся в меня, будто я все, что у нее есть. Ее любовь.

Та самая, которую я просрал.

Меня передергивает.

Настя всхлипывает громче, шепчет:

— Я... я не могу тебя отпустить...

Пауза, она судорожно втягивает воздух.

— Ты мне нужен. Я... я могу подождать. Понимаешь? Если нужно... я подожду, пока ты полюбишь. По-настоящему. Я буду ждать, сколько надо...

Слова режут уши.

Как будто кто-то ножом провел по металлу. Она думает, что любовь можно вымолить. Выпросить. Выждать.

А я глажу её по волосам. Рука движется машинально, без смысла. Как будто успокаиваю ребенка, а не женщину. И молчу.

Потому что любой звук из меня сейчас — ложь. Глупая, ненужная, как пластырь на дыре в стене.

Внутри конфликт, как два роя мотыльков, которые бьются о стекло:

«Ты поступаешь неправильно».

«Не делай так».

«Не корми её надеждой».

И сразу второе:

«Ну а что, бросить ее сейчас? Сказать: уходи?»

Я держу её, слушаю, как она шепчет одно и то же:

— Только не отпускай меня, Вов, не прогоняй меня. Я смогу без тебя... правда не смогу...

Дорогие читателиб сегодня приглашаю в книгу нашего литмоба от Яны Мосар

"После развода. Не поверю больше"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/LM3V>

Глава 14 Это откуда?

Надежда

Сию в маленьком кафе рядом с салоном.

Пекарня тёплая, пахнет ванилью и свежим тестом, за стеклом снег сползает по витрине.

Люди шуршат бумажными пакетами, кто-то смеётся, кто-то торопится по своим делам.

А я с круассаном и телефоном, замерла в уголке.

Открываю его страницу в соц сетях.

Фоток кот наплакал. Одна в месяц, если вообще выкладывает. То охота: зимний лес, ружья, собака. То квадроциклы, грязь по колено, мужики ржут, кружки в руках. Никакой нормальной информации.

Никаких следов жизни.

Ни Насти.

Ни кого.

Только он... точнее, его нет.

На половине снимков — пейзажи, леса, реки, костры.

На остальных его друзья.

Ни одной новой фотографии с девушкой.

Ни одного намека на отношения. Прямо холостяк завидный.

А вот когда пролистываю вниз...

Старая фотка.

Вера на качелях, маленькая, курточка розовая, шапка с помпоном. Он рядом стоит, держит цепи, улыбается.

У меня сердце сжимается, будто кто-то плоскогубцами схватил. Ком в горле. Запиваю глотком чая, чтобы протолкнуть.

Ещё ниже... мы.

Я и Вова.

Мы вдвоём.

Какой-то праздник. Вроде новоселье наших старых знакомых. Он обнял меня за плечи, а я смеюсь. Счастливая семья.

Он не удалил это.

Почему? Для чего оставил?

Сажу, смотрю на экран телефона, и внутри гул. Мир за стеклом кипит, а мой как будто застопорился между прошлым и настоящим.

Неужели человеку совсем все равно, как его ребенок себя чувствует? Неужели правда можно вот так вот, уйти, забыть, появляться раз в месяц, кидать подачки и исчезать?

Я понимаю, бывают разводы, бывают обиды...

Но... как можно оторваться от ребёнка?

От своего?

Меня это не просто раздражает.

У меня в голове не укладывается.

Вообще.

Я откусываю круассан, он крошится на колени. Сметаю

крошки салфеткой. В голове хаос.

Меня болтает то в злость, то в обиду, то в равнодушие. И снова обратно.

Телефон вибрирует. Рекламная рассылка.

Я выключаю звук и ловлю себя на мысли, что жду... не знаю чего.

Сообщения?

Объяснения?

Извинений?

Плевка?

Настя всплывает перед глазами.

Ее растерянный вид, цепкие пальцы, как она хватала меня, будто я ей что-то должна. Надеюсь, она меня больше преследовать не будет. Если у нее вопросы — пусть Вовочка отвечает.

Он взрослый мужик, не ребенок.

Если он «так любит» ее, как она там рыдала, что аж дышать не могла — то он обязан объяснить ей свои намерения.

Если для него это просто баловство, пусть скажет ей прямо.

Если серьёзно — пусть скажет тоже.

Но меня... меня зачем сюда тащить? Зачем ставить меня между ней и собой?

Откусываю еще кусочек круассана, почти не чувствуя вкуса.

Чай остывает быстро, кружка теплая снизу, холодная

сверху.

Я смотрю на экран снова.

На нашу старую фотографию.

На Веру на качелях.

На Вову.

И понимаю: пипец, как же все неправильно.

Выдыхаю, допиваю чай, протираю нос рукавом, холодно, течет что-то. Как бы не заболеть.

Собираю телефон, пакетик для Веры.

Возвращаюсь на работу будто ничего и не было.

Стол, лампа, разговоры клиенток.

Я улыбаюсь, делаю вид, что в порядке. Спина ноет так, но я не ною — привычка.

Устала? Ну и что.

Главное — дождаться вечера.

У меня план: Вера, монополия, чай, пироженки.

И никакого прошлого.

Никакого Вовы.

Считаю минуты.

Считаю оставшиеся клиенты.

И вот наконец закрываю шкафчик, снимаю перчатки, засовываю рабочую форму в пакет.

Еду домой. Темно, фонари подсвечиваю снег.

Машина стучит по ямам.

Паркуюсь, поднимаю пакет с покупками, подхожу к подъезду.

И тут вдруг выходит сосед.

Мужчина в белой куртке с меховой опушкой. Амбал двухметровый.

В руках сумка и длинный кейс для оружия.

Охотник. Любитель заснеженных чащ. Как-то уже рассказывал про себя.

Я его видела пару раз, кажется, живет на этаж выше. Или на два.

— Добрый день, — здоровается он первым.

— Да вечер уже, здравствуйте, — улыбаюсь вежливо.

Он придерживает мне дверь, хотя сам тяжестями увешан.

— Как вы? Как ваша принцесса? — спрашивает мужчина, чуть наклоняя голову.

— Всё хорошо, — отвечаю, немного растерянно. — А вы как? Как сын?

— Растет, — мужчина улыбается. — Вот собрались на охоту.

Кивает на сугробы возле подъезда.

— Когда снег пал, то и след стал.

Я киваю, будто что-то понимаю в охоте.

Он делает шаг в сторону, освобождая проход.

— Всего доброго тогда. И хорошо провести время, — желаю автоматически.

— И вам, Наденька, — отвечает он.

Наденька...

Я моргаю.

Откуда он знает моё имя?

Улыбаюсь неловко и захожу внутрь.

Дверь за мной закрывается, отсекая мороз.

В подъезде тепло, пахнет чем-то вроде картошки, кто-то ужин готовит.

Иду к лифту, а в голове только одна мысль:

«Станный какой.

С чего это он меня по имени знает?

Может, с Верой здороваются, она болтает со всеми подряд.

Может, сказала: “Это моя мама Надя”...

Ну да. Логично же.

Логично... надеюсь.»

Я то его имени не знаю.

Жму кнопку лифта.

Нос щиплет от холода, пальцы дрожат — от усталости или непонятного волнения.

Лифт поднимается долго.

Стою, смотрю на своё отражение в тусклом металле.

— Вот только мужчин мне сейчас не хватало, — шепчу сама себе.

Но внутри всё равно шевелится ощущение... странное.

Непривычное. Словно кто-то постучал в дверь моего спокойствия.

Захожу домой, закрываю дверь, придерживая, чтобы не хлопнула.

Вера выглядывает с кухни, только голова в дверном про-

еме и торчит.

— Привет, мам!!!

— Привет, солнышко.

Она молча ставит чайник моя маленькая хозяйюшка и достаёт кострюльку с холодильника. Я там гречки сварила с котлетами.

Я иду в коридор, раздеваюсь и замечаю ее портфель. Ой... когда за собой убирать начнет?

Поднимаю — он неожиданно тяжелый.

Настолько, что я даже морщю лоб. Изверги, зачем вот детям такие тяжести таскать? Ну сколько можно то? Что не тетрадка, то учебник и еще пять контурных карт. Ей богу, дофига.

Поднимаю и отношу в спальню.

Ставлю на у стола.

Открываю молнию.

И в следующую секунду у меня по спине холодно проходит.

Там лежит большая коробка. Кукла.

Я медленно вытаскиваю ее.

Пленка свежая, коробка будто с полки только что взята.

У меня пальцы слегка дрожат.

Я не понимаю.

Абсолютно.

И от этого внутри всё стягивает неприятно, до тошноты.

Откуда?

Кто дал?

Кто купил?

Сама бы она не смогла... денег карманных таких больших у нее нет.

И что, украла?

Нет. Нет. Нет.

Но почему тогда... в портфеле?

Сжимаю коробку сильнее, будто она может объясниться.

Иду на кухню.

Вера сидит за столом, уже погрела гречку, смотрит в телефон.

Ни тени радости, ни ожидания, будто и не знает, что там у неё в рюкзаке.

— Вера, — начинаю я.

Она поднимает глаза.

Я ставлю коробку на стол.

— Это откуда?

Дорогие читатели, есть любители горяченького?

Тогда вам сюда

"Алло, это Кавказ! Она. Только. Моя."

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/3I4t>

Аннотация:

— Я всего лишь туристка, — шепчу я. — Вы не так поняли... простите. Вы обознались.

Он усмехается, как волк, услышавший кролика в лесу.

— Не обознался, крошка. Ты приехала сюда ко мне, — он наклоняется так близко, что мне хочется исчезнуть, — и останешься здесь.

Меня охватывает ужас.

— Но как... как вы можете?.. Это же незаконно!

— Закон здесь я.

Моя жизнь была спокойна и размерена до тех пор, пока мой отпуск не обернулся встречей с ним: жестким, властным и беспринципным кавказцем.

И теперь, кажется, я его жена.

Но смогу ли я растопить его холодное сердце и укротить строптивый кавказский нрав?

Глава 15 Разгадай

Надежда

— Мне Федя принес, — вдруг выдает Вера.

Голова опущена, сосредоточена на кукле, чтобы в глаза не смотреть.

— Он Сказал, что просит прощения, что портфель мой в лужу уронил... и что не хотел. Я и взяла, мам. Ты против?

Она сидит напротив меня, вижу, что в шоке, так же как и я.

— А почему сразу не сказала?

Я возмущена, максимально. Неужели нельзя сразу сообщить? Обычно когда детям есть чем похвалиться - они хвалятся. Редко что держат в себе, в основном это ходячий сгусток эмоций.

— Да я забыла, мам, — она пожимает плечами. — Мне Федя не нравится.

Вот тут у меня внутри что-то неприятно екнуло. Я держу эту коробку, смотрю на неё, на дочку, и понимаю — что-то тут не сходится.

Надо будет поговорить с его мамой на собрании, мелькает мысль.

Вдруг это вообще не он?

Подарок такой дорогой... откуда у девятилетнего мальчишки такие деньги?

— А сейчас его маме позвоню? — спрашиваю я, решая надавить.

Ну-ка! Что скажешь?

— Ну позвони, мам... — пауза. — только если мы с Федей поругаемся из-за тебя, я с тобой говорить не буду.

Я замерла.

Вот это заявочка.

— А ты с характером, я смотрю, начала себя вести, — выдыхаю я, не зная, смеяться или ругаться.

— Прости, мам, — дочка подвигает ко мне кружку с чаем. — Просто... я хочу оставить куклу.

Она смотрит так серьезно и по-взрослому, что я на секунду теряюсь.

Будто не ребенок передо мной, а маленькая женщина, которая тоже что-то скрывает, тоже борется за свое.

И я понимаю — сейчас ругать её бесполезно.

Надо слушать.

Разбираться.

И главное — не сорваться.

Я сажусь рядом, держу эту куклу на коленях, и у меня внутри всё хрустит, как тонкий лед под ногами.

Федя... маленький, шуплый, вечно хмурый мальчик, который шмыгает носом каждые пять минут.

Да, он мог уронить портфель. Да, мог испугаться и принести подарок. Но кукла за такую сумму?

Мне это не укладывается.

Вера сидит напротив, пьет чай, рассказывает про обычный день в школе.

А у меня под ребрами неприятный холодок — не от самой куклы, а от того, что я не знаю правда это или нет.

Детям вообще верить сложно, особенно когда речь идет о подарках. А ещё труднее — когда что-то внутри подсказывает: пахнет странно.

— Мам, ты почему такая? — дочка смотрит чуть нахмурившись.

Такая — это какая?

Напуганная? Подозрительная? Уставшая от жизни? Наверное, всё вместе.

— Я просто думаю, — отвечаю незамедлительно, — кому эта кукла стоила столько денег и зачем он её подарил.

Вера пожимает плечами.

— Может, он богатый?

— Его папа на грузовике ездит, Вер.

— Ну... может, любит девочек.

Я сжимаю губы.

Вот эта детская наивность иногда режет сильнее, чем слова взрослых.

— Вера, — я кладу ладонь ей на плечо, — если тебе что-то дарит, особенно дорогое, ты сразу должна мне говорить. Сразу, ладно? Ты же знаешь.

Она кивает.

— Ладно. Он же просто знакомый мой, друг почти, а не

дядя чужой.

Но я вижу — не понимает до конца. Или делает вид, что не понимает. Скорее второе.

Внутри неприятное чувство ворочается.

Я поднимаю взгляд на коробку, которую переложила на кухонный стол.

— Мам, — Вера тихо тянет за рукав, — не ругайся. Ну пожалуйста.

— Я и не ругаюсь, — вздыхаю я. — Просто думаю.

А внутри живот сжимается, как будто кто-то зацепил меня крючком изнутри и тянет.

Непонятное предчувствие.

Слишком много вариантов, слишком мало объяснений.

Но что-то я в это не верю.

Хоть убей — не верю.

Хотя... кто его знает.

Дети иногда такие финты выдают, что и не разберёшь, где правда, где фантазия, где просто выдумка, чтобы мама не ворчала.

Надо будет узнать.

Обязательно.

Мама у Феди — женщина, мягко говоря, не самая приятная.

Вечно занята, вечно куда-то несётся, на собрания приходит через раз, а приходит — так быстро, что ничего толком не слышит.

Больше отец у них появляется, он попроще, спокойный, но... номера его у меня нет.

Да и побегу ли я сейчас выяснять?

С куклой в руках?

Держа эту коробку перед собой, как вещдок.

Смотрю на неё, как будто она сейчас сама заговорит и всё расскажет.

Вера кусает пирожок маленькими аккуратными кусочками, будто ничего необычного сегодня не произошло.

Запивает чаем.

И как я могу ругаться?

За что? За то, что приняла подарок? За то, что поверила мальчику? За то, что не подумала, как дорогая эта кукла?

Смысла нет.

Абсолютно.

Я смотрю на неё — ребёнок.

Мой ребёнок.

Её маленькая жизнь не должна превращаться в мою паранойю.

Поживём — увидим.

Соврала она или нет — всё равно вылезет, как всегда.

Правда любит всплывать в самый неожиданный момент.

И, судя по моей жизни... этот момент близко.

Я откидываюсь на спинку стула.

В комнате тепло, а всё равно мурашки по рукам.

— Мам... — Вера кладет ладошку мне на колено, — мож-

но я её оставляю? Ну пожалуйста.

— Оставим, — говорю я, — мы же уже решили.

Она улыбается, наконец расслабляется.

А я нет.

Чуть позже я вышла с Коржиком на улицу. Пора песелю и в туалет сходить, хоть по сильной нужде может и на пеленку.

Бакс озорник то в сугроб нос суёт, то на соседскую машину с включенными фарами лает.

Погуляли долго, пока он совсем не выбился из сил.

Когда вернулись, он бухнулся в прихожей, как старый дед, и выдохнул так, будто пробежал марафон.

Хулиган, ты ведь пастушья порода. Ой...

А мне нужно дальше делами заниматься. Быт и дом никуда не убегают, только торопят.

С Верой сели за уроки. Она писала криво, стирала, снова писала, морщила нос, жаловалась на математику.

Я подсказывала.

Спорили чуть-чуть, но по-доброму.

Потом разобрались с её рубашками.

Запустила машинку.

Пока стиралось, Вера наводила порядок на своём рабочем столе: выкидывала клочки бумаги, складывала фломастеры, сортировала какие-то наклейки.

Сосредоточенная такая, маленькая хозяйка.

Моя.

— Уже вижу новые тетрадки в ход пошли?

— Ага, — кивает она и складывает их аккуратно в первый ящик деревянного компьютерного стола.

Дальше я доставала из сушильной машины её школьные юбки, гладильная доска скрипела под утюгом.

Рука привычно проводила по ткани, проверяя — нет ли катышек, нет ли пятен.

Потом колготки растягивала перед светом, искала затяжки.

И это... действительно успокаивало.

Просто мама и дочка, дела по дому, обычный вечер.

Без криков, без выяснений, без чужих женщин на фотографиях, без прошлых ран, которые то ноют, то внезапно режут.

Нормальная жизнь.

Пусть даже на пару часов.

Через пол часа было уже поздновато. Мы улеглись на диван.

Я глажу Бакса за ухом, а сама слушаю, как Вера хихикает над своей же шуткой.

Да, обычный вечер.

Есть только мы: я, дочь и наш слегка переедающий коржик.

— Да, — кивнула я и погладила Бакса по брюшку.

Он в последние дни какой-то чересчур сонный, будто силы экономит.

Для его породы это странно — обычно он как моторчик, везде нос суёт, на месте не сидит.

Оборачиваюсь, присаживаюсь рядом и чешу его за ушком.

— Ты не заболел ли, дружок? — спрашиваю почти шёпотом. — Опять что-то жевал втайне от меня? Где провод прокусил на этот раз?

Он поднял глаза-бусинки.

Виноватые такие, круглые — и тёплым носом уткнулся мне в ладонь.

И я уже понимаю: Да жевал он что-то.

Жевал. Точно жевал.

Смотрю на него, глажу по мордочке.

Лоб у него морщится, будто он ответить пытается.

— Он, наверное, съел мою тетрадку, — решила Вера вставить свою шутку и выглянула из-за спинки дивана.

— Ага, — фыркаю я, — и ластиком закусил.

Бакс тихо фыркнул в ответ, будто обиделся.

— Если он съел мою тетрадку, — бурчит недовольно Вера, — тогда пусть сам и контрольную пишет.

Потом мы смотрим фильм по сказке, которую я в детстве до дыр перечитала.

Сейчас вот экранизацию сделали, мода пошла на новые фильмы, сказки русские наши начали снимать. И слава богу, есть хоть что посмотреть доброго с детьми.

— Мам? — Вера подаёт голос, не отрываясь от экрана.

— М?

— А ёлку мы большую поставим на выходных?

— Большую, — я улыбаюсь. — Вот там в углу, как обычно, Сходим еще и обязательно купим новые игрушки.

— Красные?

— Какие захочешь.

— Тогда хочу красные, — она жметя ближе ко мне. .

Она довольно улыбается и снова утыкается в фильм.

А я ловлю себя на мысли, что эти обычные разговоры, эти мелочи... они держат меня сильнее на плаву, чем все остальное.

Чуть позже, примерно на середине встаю, потому что надо поставить чайник. Вера уже начинает зевать, а перед сном всегда пьёт тёплый чай.

Коржик плетётся за мной, хвост волочится, взгляд виноватый — точно что-то съел. Ой оборванец.

Я наклоняюсь к нему:

— Ну давай признавайся, где бедный провод пострадал?

Он моргает так трагично, будто я его в суд вызвала.

Песель.

На кухне достаю две кружки, насыпаю чай, слушаю, как Вера в комнате вслух повторяет слова героини. Актриса моя, она всегда так делает, если фильм ей понравился.

В конце уже сидим, болтаем о пустяках.

О её учительнице.

О том, кто в классе какой классный, а кто “токсик”!.

Я слушаю и чувствую, как я рада быть именно ее матерью. Она у меня такая хорошая, такое солнышко.

— Мам, а ты грустишь? — Вера резко поворачивается на меня. В упор.

— Нет.

Она щурится. Подозрительная какая.

— Кажется.

— Просто устала, солнышко.

Она кивает медленно, но я вижу — не верит до конца.

Дети всегда чувствуют.

Мы заканчиваем пить чай, идем убирать на кухне. Вера любит помогать, хоть и делает всё медленно.

Она ставит кружки в раковину, я протираю стол.

Коржик уже улегся под батареей, свернулся клубком, нос прикрыл хвостом.

Сонное царство какое-то. Да, правда, поздно уже. Пора всем спать.

Дорогие читательницы, следующая глава выйдет в 10 утра по МСК

А сейчас приглашаю в книгу нашего литмоба от Екатерины Яновой

"Предатель. Старая боль, новые раны"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/cyxK>

Глава 16 Оцепеневшая

Надежда

Легла и будто провалилась. Сама не заметила как уснула, и как проснулась, если честно, тоже.

Так давно так не высыпалась, что аж смешно. Как будто кто-то выключил меня из розетки.

Без мыслей, без дерганий, без тревоги, просто... ничего.

Редкость такая, что я, просыпаясь, даже не сразу поняла, какой сегодня день

Что ж Наденька, надеюсь, хороший! .

Я выбралась с Коржиком на улицу.

— Смотри мне лишнего не ешь, — бурчу на песеля, — я тебя быстро под капельницу отправлю, понял?

Он будто усмехнулся, серьёзно. Пес, который понимает шутки.

Вот это семейка у нас.

Прогулялись, нужду справили и зашли в подъезд.

Хорошо хоть сегодня с соседом не столкнулась...

Хотя, может, и зря.

Неплохой мужичок вроде, спокойный, разговорить умеет.

И эти истории про охоту... иногда поднимают настроение, даже когда не хочется. Но я улыбаюсь сама себе:

«Ну да, Надежда, тебе сейчас только охотника и не хватало».

Ты ж у нас та еще лань.

Добрались до квартиры.

Пока Коржик топтался в прихожей, я собрала Верочке завтрак, заправила ей волосы в хвостик — сегодня у неё «строгая среда», прядки в глаза не должны лезть.

Она стояла передо мной сонная, чуть хмурая, но милая до невозможности.

Обняла за талию, нос в мою кофту уткнула.

— Мам, можно я сегодня в школе меньше писать буду?

— Можно, — целую макушку, — только не говори об этом учительнице.

Проводила её до школьного крыльца.

Школа — прямо во дворе.

Минут шесть ходу.

И я, пока она поднимается по ступенькам, стою и жду, пока она не обернётся и не махнет мне рукой.

Это наш ритуал, когда провожаю.

Если она не помахала — день у нас пойдет не так.

Сегодня помахала.

Даже два раза.

И улыбнулась.

И мне сразу легче.

Малышка моя.

Пусть учится, молодец, а я поднялась домой.

У меня сегодня работа только к обеду.

Два клиента — и домой, забрать Веру.

Очень надеюсь, что успею, потому что у неё сегодня кружок вроде бы все-таки отменили, и она будет скучать дома. Не надо, лучше пирог испечем и супчик тыквенный сварим.

До обеда занималась делами, сделала ревизию носков и разобрала коробку с мелочевкой на балконе.

Полежала, отдохнула, еще раз прогулялись с Баксом, просто для время скоротать.

После беру куртку, сумку, проверяю плойку, стерильные пакеты, телефон.

Допиваю чай.

Закрываю дверь.

И думаю:

«Дай бог, сегодня без сюрпризов».

Но это я всегда зря думаю. Как обычно что-то да происходит. Ну типун мне на язык.

Сижу за столом в кабинете, пилочка ещё в руках, а телефон светится, будто мне привиделось.

Но нет.

Не привиделось.

Лайки.

От Насти.

От той самой Насти Вовиной.

Одним глазом на клиентку, вторым на экран.

Лайки на все фото, где я с Верой.

На старых, на новых, даже там, где мы на море были три года назад.

У меня внутри будто кто-то стучит ложкой по кастрюле.
Звонко так.

Неприятно.

— Ну офигенеть, — шепчу себе под нос и сразу оглядываюсь, чтобы клиентка не услышала.

Чуть позже в перерыв, когда остаюсь одна и уже прибрала рабочее место - открываю профиль Насти.

Смотрю.

Аккаунт открыт, фотки милые. Она, учеба, кофе, ног-ти, реснички, пакеты под елкой, путешествия, девочка не из бедных...

Ничего подозрительного.

Но то, что она шарится по моим фотографиям — это нехорошо.

Я щелкаю по значку уведомлений.

Там список: Нравится: Настя С. Нравится: Настя С. Нравится...

Да чтоб тебя.

Сердце чуть колет, будто иголками. Мне не нравится, когда трогают мою жизнь. Особенно ребёнка. Особенно после всей этой каши.

Я выдыхаю, но легче не становится. Смотрю на дверь, вторая клиентка скоро придёт.

А я до сих пор с телефоном в руках, как дурочка.

Сажусь ровнее.

Гладкую столешницу трогаю пальцами левой руки, как

будто это поможет собраться.

Почему она это делает? Со злости? Из любопытства? Или потому что у Вовы рот не открывается, вот она и ищет информацию?

Меня это раздражает. Прямо под кожу лезет.

Я ещё раз пролистываю профиль.

Улыбки.

Селфи.

И ни одного кадра с Владимиром.

Странно?

Ну как сказать.

Он ведь такой: как тень.

Вечно скрыт, вечно не до конца понятен.

Секунда, и я утыкаюсь в их общие снимки.

Он там есть.

Пара фотографий.

Но свежих нет.

Я выдыхаю.

Откидываюсь на спинку стула.

— Только этого мне не хватало, — ворчу я себе.

Пальцы дрожат от злости.

Не от страха — от раздражения. От того, что она сунулась туда, куда не надо.

Вера — это не игрушка. Не повод для лайков. Не повод для эмоций.

И уж точно не повод искать меня. И изучать мою жизнь.

Проверяю время: до клиентки пять минут.

Ладно.

Отложу телефон.

Отложу мысли.

Хотя они всё равно под кожей зудят.

Я закрываю, блокирую экран.

Выпрямляю плечи.

Проверяю инструменты, ставлю лампу.

Двигаюсь по кабинету, будто по тонкому льду.

Но в голове всё равно она.

И Вова.

— Господи... — выдыхаю я, закрывая глаза на секунду.

Это не моя проблема.

Абсолютно.

Совсем.

Но неприятно — да.

Пусть живет своей жизнью.

Но если она сунется ко мне ещё раз — я ей сама всё расскажу.

Так, что отскочит.

Стучу пальцами по столу.

Включаю лампу.

Вдыхаю глубже — насколько это возможно.

— Надежда, соберись, — шепчу себе.

Дверь тихонько открывается — вторая клиентка пришла.

Я поднимаю голову, улыбаюсь.

И стараюсь сделать вид, что всё нормально.

Когда заканчиваю выскакиваю из салона почти бегом. В голове одно: успеть в школу, успеть поймать Анну Владимировну.

Хочу сама глазами увидеть, как у Веры дела, и... да, заодно проверить историю с Федей.

Если она мне наврала — я ей устрою такой разгон, что ей до конца четверти хватит.

Не в плане ругани, нет... но вытрясу из неё всю правду.

Хватит уже этих загадок. Мама у нее не дурочка и характер свой показывать еще рано.

У входа в школу толпятся родители, дети, шум, шапки, рюкзаки, перчатки чьи-то валяются.

Я встаю в сторонке, у стены, чтобы никому не мешать.

Жду.

И тут вижу её... Анна Владимировна идёт быстрым шагом, в своём любимом кардигане цвета баклажан.

Этот кардиган, как форма у неё.

Без него я бы её, наверное, и не узнала. Опять она перекрасилась.

— Здравствуйте, — говорю я первой.

Она сразу замечает меня и улыбается.

— Здравствуйте, Надежда. Как вы? Что-то случилось?

Она такая... внимательная. Сразу замечает, когда у меня лицо напряжённое.

— Да нет, — мотаю головой. — Просто хотела узнать, как

вы тут? Как Вера? Хорошо себя ведёт?

Анна Владимировна чуть приподнимает брови, будто удивлена, но отвечает спокойно:

— Вера — золотце. — делает паузу, прикусывает губу — Вот только математику мы немножко ленимся понимать... Вы бы этот момент подтянули. Она умная, но ей нужен подгон. Хотелось ее вытянуть на все пятерки, но если не постарается, сами понимаете. Мотивация может ей нужна или повторить материал.

— Да, конечно. Пройдемся дома, — киваю я.

Внутри даже что-то тёплое поднимается: приятно слышать, что не всё плохо, хоть где-то всё хорошо.

Мы переходим на разговор о питании — опять задержки с оплатой у половины класса, у кого-то аллергии, у кого-то проблемы с меню.

Она рассказывает, что в столовой новая повариха, что дети довольны макаронами, а вот супы они опять игнорируют.

Слушаю, киваю, в голове отмечаю.

Обычный школьный разговор.

Становится легче, словно всё это — нормальный день нормальной семьи.

— Хорошо тогда, Надежда, — она улыбнулась ещё раз. — Если что — пишите. И не переживайте, с Верой всё в порядке.

— Спасибо, — отвечаю я. — Всего хорошего.

Прощаюсь и отступаю в сторону, оглядывая фойе.

Глаза автоматически ищут Федю.

Думаю: вот увижу и сразу всё станет ясно, подарил куклу он и нет.

Я оглядываюсь.

Дети выходят группами. Кто-то снимает сменку.

Кто-то смеётся. Кто-то ко мне машет рукой, здороваются, узнают меня.

А ни Веры нет.

Ни Феди.

Становлюсь чуть жёстче, вытягиваюсь и начинаю смотреть внимательнее. По углам. Под лестницей. У раздевалки. У стенда с расписанием.

Никого.

Сердце делает неприятный толчок, короткий, но мерзкий.

Так... спокойно, Надя. Она не могла никуда уйти. Просто ещё не вышла. Может, задержали, может, форму переодевает, может, учительница что-то объясняет... А может вообще в классе дежурит.

Но внутри уже стянуло так, что дышать сложно.

Ух...

Если она наврала про Федю... тут все ясно.

Если она куда-то пошла без спроса, мы дома проведем беседу, какая ей запомнится на всю жизнь.

Но всё же шагаю вперёд, ещё раз заглядываю в раздевалку.

И снова пусто.

Вера не выходит.

Феди нет.

Я стою в фойе среди чужих детей, чужих голосов, чужих ботинок на полу, и понимаю:

Мне становится страшно.

Выхожу на улицу — мороз щиплет кожу, будто пытается привести меня в чувство.

Становлюсь у края крыльца, всматриваюсь в школьный двор.

Может, они в снежки играют? И зря я переживаю?

Почему бы и нет.

Тут такую гору снега насыпали, что дети туда табунами носятся, особенно, когда учителя не видят.

Может, Вера уже выскочила туда, а я по своим тревогам даже не заметила?

Делаю несколько шагов вперёд, оглядываю территорию.

Одноклассников её нет.

Только мальчишки постарше — визжат, толкаются, играют в царя горы, один другому снега за шиворот пихает.

Веселятся.

Подхожу ближе. Смотрю.

Одни только мальчишки постарше, визжат, толкаются.

Ни Веры.

Ни Феди.

Может, правда — я уже перегибаю? Может, она в соседний кабинет пошла? На кружок?

Тут этих кружков — вагон: лепка, хореография, актерское

мастерство, поделки...

Вера любит всё, на что я её запишу.

Она даже танцы пробовала.

Может пошла на другой, раз тот отменили. Я ведь не предупреждала, что буду забирать. Сюрприз хотела.

А я?

Я стою как дура и даже расписание нормально не помню.

Стыдно.

Совсем плохая стала.

Голова вечно в своих проблемах.

Может, она там уже поёт или лепит, а я тут сцену накручиваю?

Делаю глубокий вдох, поворачиваюсь, чтобы зайти обратно в здание и уточнить...

И именно в этот момент что-то заставляет меня резко обернуться через плечо.

И я вижу.

Они выходят из здания школы.

Медленно.

Как будто в замедленной съёмке.

Моя Вера.

И рядом Вова.

Идут за руку с дочкой.

Идут, улыбаются, Вера поправляет плохо завязанный шарф. Вова портфель ее держит.

У меня перехватывает горло так резко, что я дышать за-

бываю.

Моргаю.

Ещё раз.

Пытаюсь найти хоть одну логичную причину этого.

Может, глючит? Может, похожий мужчина? Может...

Да кого я пытаюсь обмануть.

Они останавливаются.

Одновременно. Застывают, как оцепеневшие.

И теперь оба смотрят прямо на меня.

Глаза в глаза.

Секунда.

Другая.

И только в голове у меня звучит одно:

– Что он здесь делает?

Глава 17 Право имеешь?

Надежда

Я стою, смотрю на него — и внутри у меня всё переворачивается.

Не от страха.

Не от боли.

От ярости на этого вот мужика, который за руку дочку мою держит.

Вот теперь, теперь я понимаю, откуда эта кукла.

Откуда этот «подарочек».

Никакой Федька тут и рядом не стоял. Вот он, во плоти. Федька блять Бородатый на сраку лет старше.

Вот он.

Вот этот «отец», который вспоминает о дочери раз в полгода на минутку, зато умеет эффектно появляться чтоли?

С подарками, с раскаянием, с красивыми жестами, чтобы купить себе любовь.

Чтобы купить себе место рядом с ней? Настолько низко опустился?

Скотина....

Я смотрю на него, а у меня внутри будто гвоздь провернули. Какого черта он думает, что кукла решит всё? Что его родной ребенок забудет, как он пропадал? За подачку?

Что я забуду, как держала её за плечи, пока она спраши-

вала:

«Мам, а папа меня любит?»

Он думает, что купил себе право появляться когда вздумается? Обида захлестнула волной.

Он ведь просто думает, что одной дорогой коробкой можно заткнуть дыру, которую он сам и проделал.

Я смотрю на него — а он даже не понимает, почему я в бешенстве.

Стоит, плечи расправил, взгляд этот, будто имеет право, будто всё само собой разумеется.

— Ты что тут делаешь? — повторяю, еле сдерживая свой порыв.

— Тоже самое, что и ты, — спокойно отвечает он, — забираю свою дочь со школы.

Конечно.

Забираю.

Как будто он всегда это делал. Эти слова резали слух.

Я позвала Веру к себе кивком.

Взяла за руку и уводя, чувствуя, как его взгляд пытается меня прожечь.

Бог ты мой, да он даже не понимает, что натворил.

Не понимает, что своей вот этой самоуверенной мордой делает только хуже. Что присутствием — не спасает, а ломает.

Эта кукла...

Теперь она торчит у меня в голове, как красный флаг. И

то, как Вера защищала её... То, как сказала: «я хочу оставить»...

Да.

Теперь всё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.